

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

ЛЕС МЕРТВЕЦОВ

Гранже превзошел самого себя:
читаешь — и мороз продирает по коже...

Le Monde des Livres

18+

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Жан-Кристоф Гранже

Лес мертвецов

«Азбука-Аттикус»

Гранже Ж.

Лес мертвецов / Ж. Гранже — «Азбука-Аттикус», — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-03809-7

Серия кровавых ритуальных убийств заставляет содрогнуться от ужаса даже видавших виды парижских полицейских. В городе орудует маньяк-каннибал, пожирающий плоть своих жертв. Кто он – психопат-аутист, садист-извращенец, поклонник первобытных культов? Множатся версии, но ни одна не ведет к разгадке зловещей тайны. У Жанны Крулевска – опытного следственного судьи и красивой женщины – есть личные причины принять брошенный убийцей вызов. Поиски истины перенесут ее через океан, вынудят пересечь Никарагуа и Гватемалу, заведут в глубь аргентинских болот. Здесь, в самом сердце Леса мертвецов, ей откроется подлинный источник Зла...

ISBN 978-5-389-03809-7

© Гранже Ж.
© Азбука-Аттикус

Содержание

I		5
	1	5
	2	9
	3	11
	4	17
	5	19
	6	24
	7	27
	8	32
	9	36
	10	40
	11	46
	12	50
	13	55
	14	58
	15	62
	16	65
	17	70
	18	72
	19	76
	20	78
	Конец ознакомительного фрагмента.	82

Жан-Кристоф Гранже

Лес мертвецов

Посвящается Альме, свету во тьме

I

Жертвы

1

Вот оно. То, что нужно.

Туфельки «Прада», которые она видела в «Вог» за прошлый месяц. Незаметный штрих, завершающий ансамбль. С маленьким черным платьем, купленным за бесценок на улице Драгон, выйдет потрясающе. Просто *отпад*. С улыбкой Жанна Крулевска потянулась в кресле. Наконец-то она придумала, что наденет сегодня вечером. И не просто придумала, а *представила себе*.

Она вновь проверила мобильный. Ни одного нового сообщения. Сердце екнуло от беспокойства. Еще сильнее и болезненнее, чем в прошлый раз. Почему он не звонит? Уже пятый час. Поздновато, чтобы подтвердить приглашение на ужин.

Отбросив сомнения, она позвонила в бутик «Прада» на проспекте Монтеня. Есть у них такие туфли? Тридцать девятый размер? Она заберет их сегодня до семи. Недолгое облегчение тут же сменилось тревогой. У нее на счету и без того перерасход в 800 евро... А с этой покупкой получится больше 1300.

Впрочем, уже 29 мая. Зарплату перечислят через два дня. 4000 евро. И ни центом больше, включая премиальные. Месяц снова начнется с доходом, урезанным на целую треть. Хотя ей не привыкать. Она давным-давно приноровилась выкручиваться. Жанна закрыла глаза. Представила себя на лакированных каблуках. Сегодня она будет совсем другой. Неузнаваемой. Слепительной. Неотразимой. Все остальное – проще простого. Сближение. Примирение. Новое начало...

Но почему он не звонит? Накануне он сам сделал первый шаг. В сотый раз за день она открыла почту и прочитала мейл. *Его мейл*:

Сам не знаю, чего я наговорил. У меня и в мыслях такого не было. Завтра поужинаешь со мной? Я позвоню и заеду за тобой в суд. Я буду твоим королем, а ты – моей королевой...

Последние слова – намек на «Героев», песню Дэвида Боуи. Коллекционная запись, где рок-звезда несколько куплетов исполняет по-французски. Она прекрасно помнила, как они откопали виниловую пластинку у торговца музыкальными раритетами в квартале Ле-Алль. Радость в его глазах. Его смех... В ту минуту ей больше ничего не было нужно. Только всегда вызывать – или хотя бы поддерживать – этот огонь в его глазах. Подобно весталкам Древнего Рима, постоянно хранившим священный огонь в храме.

Зазвонил телефон. Но не мобильный. Городской. Проклятье.

– Аллю?

– Это Вьоле...

Жанна мгновенно переключилась на рабочий лад:

– Дело движется?

- Какое там...
- Он признался?
- Нет.
- Так он ее насиловал или нет, черт его побери?
- Говорит, знать ее не знает.
- Она ведь дочь его любовницы?
- А он сказал, что и с матерью не знаком.
- Разве трудно доказать обратное?
- С таким все трудно.
- Сколько еще у нас времени?
- Шесть часов. Считай, что нисколько. За восемнадцать часов мы ничего из него не вытянули.
- Вот дерьмо.
- Оно самое. Ладно. Пойду попробую поддать жару. Хотя боюсь, дело не выгорит...

Повесив трубку, она поразилась, насколько все это ей безразлично. Между тяжестью обвинения – изнасилование несовершеннолетней – и смехотворными ставками ее жизни – состоится ужин или нет – лежит пропасть. А она не в силах думать ни о чем, кроме этого свидания.

Одно из первых практических заданий в Национальной школе судебных работников заключалось в просмотре видеокadra: правонарушение, заснятое камерой слежения. Затем каждого будущего судью просили рассказать, что именно он видел. Все рассказывали по-своему. Менялись марка и цвет автомобиля. Число нападавших у всех было разное. Как и последовательность событий. И это упражнение задавало тон. Объективности не существует. Правосудие – дело рук человеческих. Несовершенное, зыбкое, субъективное.

Машинально она взглянула на дисплей мобильного. Ничего. Жанна почувствовала, как к глазам подступили слезы. Она ждала его звонка с самого утра. Воображала, мечтала, прокручивала в голове все те же мысли, все те же надежды, чтобы через мгновение погрузиться в бездну отчаяния. Сколько раз она была готова позвонить ему сама. Но об этом нечего и думать. Надо держаться...

Полшестого. Вдруг ею овладела паника. Все кончено. Это ничего не значащее приглашение на ужин – всего лишь последние содрогания трупа. Он уже не вернется. Пора с этим смириться. Выкинь его из головы. Начни все с чистого листа. Займись собой. Расхожие фразы, выражающие безысходную тоску таких же горемык, как она. Тех, кого вечно бросают. Тех, кому суждено вечно страдать. Она повертела в пальцах ручку и встала.

Кабинет находился на четвертом этаже Нантерского суда. Десять квадратных метров, забитых провонявшими пылью и чернилами для принтера папками, где работала она сама и секретарша суда Клер. Ее она отпустила в четыре, чтобы смыться пораньше.

Она встала у окна и посмотрела на пригорки Нантерского парка. Мягкие линии склонов, четкие очертания лужаек. Справа жилые комплексы всех цветов радуги, а за ними – «башни-облака»¹ Эмиля Айо, говорившего: «Сборные конструкции – экономическая необходимость, но она не должна вызывать у людей ощущение, что они сами – сборные конструкции». Жанне нравились эти слова, но она не была уверена, что результат оправдал ожидания архитектора. День за днем на нее в этом кабинете обрушивалась реальность, порожденная неблагополучием бедных кварталов: грабежи, изнасилования, разбойные нападения, наркоторговля... Совсем не то, что было задумано.

¹ «Башни-облака», построенные Эмилем Айо в Нантере, – жилой комплекс из восемнадцати башен, каждая из которых окружена примыкающими к ней цилиндрами. Социальное жилье для малоимущих было приоритетным направлением в творчестве архитектора.

Подавив приступ тошноты, она вернулась за письменный стол, прикидывая, сколько еще протянет без лексомила². На глаза попала стопка бланков. Апелляционный суд Версаля. Нантерский исправительный суд. Кабинет мадам Жанны Крулевска. Следственного судьи³ при Нантерском исправительном суде. Тут же вспомнилось, как обычно о ней отзывались коллеги. «Самая молодая в своем выпуске». «Восходящая звезда юриспруденции». «Пойдет по стопам Евы Жоли и Лоранс Вишневски». Так говорили о ее карьере.

Зато в личной жизни – полный крах. Тридцать пять лет. Ни семьи, ни детей. Две-три приятельницы, все незамужние. Трехкомнатная съемная квартирка в Шестом округе. Никаких сбережений. Никакого имущества. Никаких перспектив. Жизнь утекла сквозь пальцы. И вот уже в ресторане к ней обращаются «мадам», а не «мадемуазель». Черт.

Два года назад она сорвалась. Жизнь, незадолго до того отдававшая горечью, утратила всякий вкус. Депрессия. Больница. «Жить» в то время означало для нее «страдать». Два эти слова стали синонимами. Но как ни странно, от пребывания в этом заведении у нее сохранились приятные воспоминания. Во всяком случае, теплые. Три недели сна, когда ее пичкали лекарствами и кормили с ложечки. Постепенное возвращение к реальности. Антидепрессанты, психоанализ... С тех пор у нее осталась невидимая трещина в душе, которую в повседневной жизни она старательно заглушала визитами к психологу, таблетками, выходами в свет. Но черная дыра никуда не исчезла, она всегда была рядом, почти заманивала ее, постоянно притягивала...

Она нащупала в сумке лексомил. Положила под язык целую таблетку. Прежде ей хватало четвертушки, но, привыкнув, она стала глушить себя полной дозой. Она устроилась в кресле поглубже. Подождала. И скоро ее отпустило. Дыхание стало свободнее. Мысли успокоились...

В дверь постучали. Жанна подскочила в кресле. Оказывается, она задремала.

На пороге стоял Стефан Рейнхар в своем неизменном пиджаке в елочку. Взъерошенный. Помятый. Небритый. Один из семи следственных судей Нантерского суда. Их называли «великолепной семеркой». Но Рейнхар уж точно самый из них сексуальный. Скорее Стив Маккуин, чем Юл Бриннер.

– Ты у нас отвечаешь за финансовый надзор?

– Вроде бы я.

Три недели назад на нее возложили эту обязанность, хотя она не слишком разбиралась в таких делах. С тем же успехом ей могли достаться организованная преступность или терроризм.

– Так ты или не ты?

– Ну я.

Рейнхар помахал зеленой папкой:

– В прокуратуре что-то напутали. Прислали мне это ОЗ.

ОЗ – обвинительное заключение, составленное прокурором или тем, кто его замещает, после проведения предварительного следствия. Обычное официальное письмо, подшитое к первым документам по делу: полицейским протоколам, отчету налоговых служб, анонимным письмам... Все, что способно вызвать подозрения.

– Я снял для тебя копию. Можешь почитать прямо сейчас. Оригинал пришлю вечером. Материалы тебе передадут завтра. Или, хочешь, обождем, тогда достанется следующему дежурному судье. Что скажешь?

– А что там?

² Антидепрессант.

³ Следственный судья – во Франции и ряде других стран судья, который принимает решение об ограничительных мерах на стадии предварительного следствия (ордер на арест, обыск, постановление об изъятии), а также проводит обеспечительные допросы обвиняемого и свидетелей.

– Анонимный донос. По первому впечатлению, попахивает отличным политическим скандальчиком.

– С какого фланга попахивает?

Он поднес к виску правую ладонь, пародируя военное приветствие:

– Напра-а-а-во, мой генерал!

В один миг в ней проснулся профессиональный интерес, наполнив ее уверенностью и рвением. Ее работа. Ее власть. Полномочия судьбы, которыми наделил ее президент.

Она протянула руку:

– Давай сюда.

2

С Тома она познакомилась на вернисаже. Она даже помнила точную дату. 12 мая 2006 года. И место. Просторная квартира на Левом берегу, где была устроена фотовыставка. Ее наряд. Индийская туника, серые переливчатые джинсы, сапожки в байкерском стиле. На фотографии Жанна не смотрела, она сосредоточилась на своей цели: самом фотографе.

Чтобы окончательно подавить внутреннее сопротивление, она бокал за бокалом глушила шампанское. Когда она намечала жертву, то любила перебрать, чтобы самой превратиться в добычу. «Он нежно убивал меня своей песней». «Нежное убийство» в исполнении группы «Фуджис» перекрывало гул толпы. Самая подходящая музыка для мысленного стриптиза, которому она предавалась, отбрасывая один за другим свои страхи, сомнения, стыдливость... Она размахивала ими над головой, словно бюстгальтером или стрингами, стремясь достичь истинной свободы, свободы желания. Всякий проходил через это.

В ушах Жанны звучали предостережения подруг: «Тома? Бабник. Трахает все, что шевелится. Козел». Она улыбнулась. Слишком поздно. Шампанское притупило инстинкт самосохранения. Он подошел к ней. Разыграл перед ней свою роль обольстителя. Даже не слишком убедительно. Но в его шутках сквозило желание, а в ее улыбках – призыв.

С первой же встречи все пошло не так. Она слишком быстро позволила себя поцеловать. В тот же вечер в машине. А как говаривала ей мать, когда еще не впала в маразм: «Для женщины первый поцелуй – начало любви. Для мужчины – начало расставания». Жанна упрекала себя за то, что уступила так легко. Вместо того чтобы потихоньку разжигать пламя...

Пытаясь исправить свою ошибку, она несколько недель отказывала ему в близости, создавая между ними ненужное напряжение. Так они утвердились в своих ролях: он призывает, она отказывает. Возможно, уже тогда она пыталась защищаться... Знала, что вместе с телом отдаст ему и сердце. Как всегда. И тогда наступит настоящая зависимость.

Надо отдать Тома должное, он был хорошим фотографом. Но во всем остальном – пустышка. Ни красавчик, ни урод. И приятным его не назовешь. Прижимистый. Эгоистичный. Конечно, трусоватый. Как и большинство мужчин. На самом деле их объединяло только одно: два еженедельных визита к психологу. И те глубокие раны, которые они старались залечить. Когда Жанна размышляла об этом, ей удавалось объяснить свое внезапное увлечение только внешними причинами. Нужно место. Нужно время. И ничего больше. Все это она знала, но не переставала находить в нем всевозможные достоинства, занимаясь бесконечным самовнушением. В этом суть женской любви: только здесь яйцо высидивает курицу...

Она ошибалась не в первый раз, куда там... Вечно влюблялась не в тех, в кого надо. Даже в чокнутых. Вроде того адвоката, который выключал бойлер, когда она у него ночевала. Он заметил, что после очень горячего душа Жанна мгновенно засыпает, оставив его ни с чем. Или программиста, просившего ее устраивать стриптиз перед веб-камерой. Она порвала с ним, сообразив, что ею любитесь не он один. Или того странного издателя, который надевал белые фетровые перчатки, когда садился в метро, и воровал у букинистов подержанные книги. А были и другие. Много других... И за что ей достались все эти придурки? Столько ошибок ради одной-единственной истины: Жанна была влюблена в любовь.

В детстве Жанна без конца слушала одну песенку: «Не бросай ее, / Она такая хрупкая. / Знаешь, быть свободной / Не так-то просто...»⁴. В то время она еще не понимала заключенной в этих словах иронии, но предчувствовала, что песенка таинственным образом повлияет на ее судьбу. И оказалась права. Сегодня Жанна Крулевска, независимая парижанка, была свободной женщиной. Это и правда не так-то просто...

⁴ Песня французской группы «Куки Динглер».

Процесс следовал за процессом, обыск сменялся допросом, а она все спрашивала себя, верный ли путь выбрала. Та ли это жизнь, о которой она мечтала? Порой она думала, что все это – чудовищный обман. Ее убедили ни в чем не уступить мужчине. Вкалывать как проклятая. Забыть о чувствах. Неужели ей нужно именно это?

А уж как ее бесило, что и эту ловушку подстроили мужчины! По их вине женщины разочаровались в любви и забыли свою величайшую мечту, свою *liebestraum*⁵, само свое предназначение продолжательниц человеческого рода. И ради чего? Чтобы подбирать за мужчинами крохи на профессиональном поприще, а по вечерам рыдать над телесериалами, запивая антидепрессанты бокалом белого вина? Привет эволюции.

Поначалу из них с Тома получилась идеальная современная пара. Две квартиры. Два счета в банке. Две налоговые декларации. Они проводили вместе два-три вечера в неделю да время от времени устраивали романтический уик-энд. В Довиле или где-нибудь еще.

Но стоило Жанне заикнуться о запретном – «обязательствах», «совместной жизни» и даже обмолвиться о «ребенке», как дело было приостановлено производством. Она наткнулась на глухую стену из недомолвок, отговорок и отсрочек... Беда не приходит одна, и ее охватили подозрения. Чем занимается Тома в те вечера, когда они не вместе?

Во время пожара иногда происходит то, что специалисты называют обратной тягой. В закрытом помещении пламя поглощает весь кислород и начинает высасывать воздух снаружи: из-под дверей, сквозь щели в наличниках, трещины в стенах, создавая вакуум и втягивая перегородки, оконные рамы, стекла, пока все не разлетится вдребезги. И тогда внезапный приток кислорода извне мгновенно подпитывает огонь, он разгорается и вспыхивает ярким пламенем. Это и есть обратная тяга.

Так случилось с Жанной. Наглухо закрыв сердце перед малейшим проблеском надежды, она выжгла весь кислород у себя внутри. Все двери и засовы, наложенные на ее ожидания, в конце концов были снесены напроць, высвободив беспощадную ярость, нетерпение, требовательность. Жанна превратилась в фурию. Она прижала Тома к стенке и предъявила ему ультиматум. Результат не заставил себя ждать. Тома просто сбежал. Затем вернулся. И опять исчез... Ссоры, увертки, побеги повторялись снова и снова, пока их отношения не превратились в затасканную тряпку.

И чего она добилась? Ничего. Ничего она не выиграла. Ни обещаний, ни уверенности. Наоборот, теперь она одинока, как никогда. И готова принять все. Даже делить его с другой женщиной. Все лучше, чем одиночество. Все лучше, чем потерять его. И потерять себя – настолько его присутствие стало частью ее самой, поглотило и источило ее...

Вот уже несколько недель она выполняла свою работу как после тяжелой болезни: любое движение, любая мысль требовали сверхчеловеческих усилий. Она занималась делами по инерции. Притворялась, будто живет, работает, дышит, а сама была одержима одним неотвязным чувством. Своей испепеленной любовью. Своей раковой опухолью.

И все тем же вопросом: есть ли у него другая?

Жанна Крулевска вернулась домой ближе к полуночи. Не зажигая свет, сбросила плащ. Вытянулась на диване в гостиной, лицом к огням уличных фонарей, рассеивавших потемки.

И мастурбировала, пока не забылась сном.

⁵ Любовная греза (нем.).

3

– Фамилия. Имя. Возраст. Профессия.
– Перрейя. Жан-Ив. Пятьдесят три года. Управляю профсоюзом владельцев недвижимости «СОФЕС».

– По адресу?

– Дом четырнадцать по улице Катр-Септамбр, во Втором округе.

– Проживаете?

– Сто семнадцать, бульвар Сюше, Шестнадцатый округ.

Жанна подождала, пока секретарь суда Клер все запишет. Десять часов утра, а уже жарко. Она редко проводила опрос свидетелей до обеда. Как правило, в первые рабочие часы она изучала дела и по телефону назначала судебные действия – опросы, допросы, очные ставки – на вторую половину дня. Но на этот раз ей хотелось захватить свидетеля врасплох. Она велела доставить ему повестку накануне вечером. Он был вызван в качестве обычного свидетеля. Классическая уловка. Свидетель не имеет права ни на адвоката, ни на доступ к делу, а значит, он в два раза уязвимее подозреваемого.

– Месье Перрейя, надо ли напоминать вам факты?

Мужчина не ответил. Жанна продолжала нейтральным тоном:

– Вы вызваны сюда по делу о доме шесть на проспекте Жоржа Клемансо в Нантере. В связи с жалобой месье и мадам Ассалих, граждан Чада, ныне проживающих в жилом комплексе Сите-де-Флер, двенадцать, улица Сади-Карно в Гриньи. В рамках коллективного иска, к которому присоединились «Врачи мира» и АСПОС – Ассоциация семей, пострадавших от отравления свинцом.

Перрейя заерзал на стуле, не сводя глаз со своих ботинок.

– Факты таковы. Двадцать седьмого октября две тысячи шестого года шестилетняя Гома Ассалих, проживавшая со своей семьей по адресу проспект Жоржа Клемансо, шесть, поступила в больницу Робера Дебре. Жалобы на сильные боли в животе. К тому же у нее был понос. В крови обнаружено повышенное содержание свинца. Гома страдает сатурнизмом. Ей предписан недельный курс хелации.

Жанна замолчала. «Свидетель» задержал дыхание, все так же уставившись себе на ноги.

– Двенадцатого мая две тысячи первого года десятилетний Бубакар Нур, также проживающий в доме шесть по проспекту Жоржа Клемансо, доставлен в детскую больницу Неккера с тем же диагнозом. Он проходит двухнедельный курс хелации. Дети отравились краской со стен трущоб, где они жили. Семьи Ассалих и Нур обращались в ваш профсоюз с требованием провести санацию квартир. Но ответа не последовало.

Она подняла глаза. Перрейя обливался потом.

– Двадцатого ноября того же года в больницу был доставлен еще один ребенок, семилетний Мохаммед Тамар, проживавший по адресу проспект Жоржа Клемансо, дом шесть. Очередное отравление свинцом. Мальчик бился в конвульсиях. Через два дня он умер в больнице Неккера. При вскрытии у него в печени, почках и мозге обнаружены следы свинца.

Перрейя ослабил галстук и вытер ладони о колени.

– На этот раз жильцы при поддержке АСПОС предъявили гражданский иск. Неоднократно они требовали, чтобы вы провели работы по санации дома. Вы ни разу не снизили до ответа, верно?

Мужчина откашлялся и пробормотал:

– Эти семьи еще раньше обратились с просьбой предоставить им другое жилье. Расходы должны были взять на себя городские власти Нантера. Мы ждали их переезда, чтобы начать ремонт.

– Будто вы не знаете, как долго удовлетворяются подобные запросы! Дожидались, пока они все перемрут?

– Но у нас-то не было средств, чтобы их переселить.

Жанна задержала на нем взгляд. Высокий, широкоплечий, в дорогом черном костюме, выющиеся волосы с проседью окружают голову ореолом. Несмотря на внушительную внешность, Жан-Ив Перрейя разыгрывал из себя неприметного скромника. Регбист, который пытается превратиться в невидимку.

Она открыла очередную папку:

– Через два года, в две тысячи третьем, было составлено экспертное заключение. Результат оказался удручающим. Стены квартир выкрашены краской на свинцовых белилах, запрещенных уже в сорок восьмом году. За это время еще четверо детишек попали в больницу.

– Мы собирались сделать ремонт! Город должен был нам помочь!

– В экспертном заключении также отмечены нездоровые условия проживания. Нарушены все нормы безопасности. Однокомнатные квартиры, площадью не больше двадцати метров, без кухни и удобств. А квартплата превышает шестьсот-семьсот евро. Сколько метров в вашей квартире на бульваре Сюше, месье Перрейя?

– Я отказываюсь отвечать.

Жанна тут же пожалела об этом личном выпаде. *Всегда придерживаться фактов.*

– Всего через пару месяцев, – продолжала она спокойнее, – в июне две тысячи третьего года, от отравления свинцом снова погибает ребенок из дома номер шесть по проспекту Жоржа Клемансо. Вы и на этот раз не явились, чтобы оценить предстоящий ремонт.

– Мы приезжали.

Она развела руками:

– И где же отчеты? Сметы? Ваша канцелярия нам ничего не предоставила.

Перрейя облизнул губы, снова вытер ладони о брюки. Большие мозолистые ладони. Этот тип был строителем, подумала Жанна. И лишь потом занялся недвижимостью. А значит, разбирается в таких делах.

– Мы недооценили опасность ситуации, – тем не менее солгал он.

– Несмотря на результат экспертизы? Медицинские заключения?

Перрейя расстегнул воротник рубашки.

Жанна перевернула страницу и продолжила:

– За загубленные и непоправимо испорченные жизни Версальский апелляционный суд постановлением от двадцать третьего марта две тысячи восьмого года обязал вас выплатить компенсацию пострадавшим. Семьи в конце концов получили возмещение понесенного ущерба и новое жилье. В то же время эксперты постановили, что дом слишком ветхий и не подлежит ремонту. К тому же выяснилось, что в действительности вы рассчитывали его снести, а на этом месте построить офисное здание. Ирония заключается в том, что в итоге вы получите от города финансовую поддержку, чтобы снести и возвести заново дом шесть по проспекту Жоржа Клемансо. В результате вы добились чего хотели.

– Прекратите говорить «вы». Я всего лишь управляю профсоюзом.

Жанна пропустила этот выпад мимо ушей. В кабинете было жарко как в печи. Воротник блузки у нее промок от пота. Солнечные лучи стрелами пронзали широкое окно, растекаясь по комнате, словно масло по сковородке. Она едва не попросила Клер опустить шторы, но это пекло – необходимая часть ее игры.

– Этим бы все и кончилось, но несколько семей при поддержке двух ассоциаций – «Врачей мира» и АСПОС – предъявили коллективный иск. Вам и домовладельцам. За неумышленное убийство.

– Мы никого не убивали!

– Убивали. Дом и краска стали орудием убийства.

– Мы этого не хотели!

– *Неумышленное убийство*. Формулировка говорит сама за себя.

Перрейя помотал головой и бросил:

– Чего вы добиваетесь? Зачем я здесь?

– Я хочу узнать, кто на самом деле в этом виноват. Кто скрывается за анонимными обществами, владеющими зданием. Кто отдавал вам приказы? Вы лишь пешка, Перрейя. И вам придется отдуваться за других!

– Я никого не знаю.

– Перрейя, вам грозит по меньшей мере десять лет тюрьмы. Без права досрочного освобождения. И отбывать срок вы начнете сегодня же, если я так решу. В камере предварительного заключения.

Мужчина поднял глаза: две вспышки в седых зарослях бровей. Он вот-вот заговорит, Жанна это чувствовала. Она выдвинула ящик и достала крафтовый конверт формата А4. Вынула из него черно-белый снимок такого же размера.

– Тарак Алюк, восемь лет, скончался через шесть часов после госпитализации. Задохнулся в конвульсиях. Вскрытие показало, что содержание свинца в его органах в двадцать раз превышало порог токсичности. Как по-вашему, какое впечатление эти фотографии произведут в суде?

Перрейя отвел взгляд.

– Сейчас вам поможет только одно: разделить ответственность с другими. Сказать нам, кто стоит за акционерными обществами, которые отдают вам приказы.

Он сидел, низко склонив голову, и молчал. Шея у него блестела от пота. Жанна видела, как дрожат его плечи. Она и сама дрожала в мокрой от пота блузке. Началась настоящая битва.

– Перрейя, вы будете гнить в тюрьме по меньшей мере пять лет. Вам известно, как там обходятся с убийцами детишек?

– Но я не...

– Какая разница! Поползут слухи, и вас будут считать педофилом. Так кто стоит за акционерными обществами?

Он почесал затылок.

– Я их не знаю.

– Когда запахло жареным, вы наверняка сообщили об этом тем, кто принимает решения.

– Я послал мейлы.

– Кому?

– В офис. Гражданского товарищества недвижимости. «FIMA».

– Значит, вам ответили. Ответы не были подписаны?

– Нет. Это административный совет. Они не хотели ничего предпринимать, и точка.

– И вы их не предостерегли? Не попытались связаться напрямую?

Перрейя втянул голову в плечи и ничего не ответил.

Жанна вынула протокол:

– Знаете, что это такое?

– Нет.

– Показания вашего секретаря Сильвии Денуа.

Перрейя отшатнулся. Жанна продолжала:

– Она помнит, что семнадцатого июля две тысячи третьего года вы ездили в дом шесть по проспекту Жоржа Клемансо с владельцем здания.

– Она ошибается.

– Перрейя, вы пользуетесь услугами такси компании «G7». И имеете абонемент, именуемый «Клоб афер». Все ваши поездки остаются в памяти компьютера. Мне продолжать?

Он промолчал.

– Семнадцатого июля две тысячи третьего года вы заказали такси – светло-серый «мерседес» с номерными знаками 345 DSM 75. За два дня до этого вы получили первое экспертное заключение. И решили убедиться сами, насколько все серьезно. Оценить состояние здоровья жильцов. Предстоящий ремонт.

Перрейя то и дело затравленно поглядывал на Жанну.

– По сведениям компании «G7», сначала вы заезжали на проспект Марсо в дом сорок пять.

– Я уже не помню.

– Дом сорок пять по проспекту Марсо – адрес гражданского товарищества недвижимости «FIMA». Можно предположить, что вы заезжали к владельцу общества. Шофер ждал вас двадцать минут. Очевидно, все это время вы убеждали владельца в серьезности ситуации, чтобы он согласился поехать с вами. Так за кем вы заезжали в тот день? Кого вы покрываете, месье Перрейя?

– Я не вправе называть имена. Профессиональная тайна.

Жанна стукнула по столу:

– Чепуха! Вы не врач и не адвокат. Кто владелец «FIMA»? За кем вы заезжали, черт побери?

Перрейя замкнулся в молчании. Несмотря на дорогой костюм, он выглядел помятым.

– Дюнан, – прошептал он наконец. – Его зовут Мишель Дюнан. Он – владелец контрольного пакета акций по крайней мере двух из трех фирм, которым принадлежит дом. На самом деле он и есть его настоящий владелец.

Жанна сделала знак секретарше Клер. Пора записывать: начинается дача показаний.

– В тот день он ездил вместе с вами?

– Еще бы, когда заварилась такая каша!

Она представляла себе, как это было. Июль 2003 года. Вовсю палило солнце. Словно сегодня. Оба бизнесмена потели в своих костюмчиках от «Хьюго Босс», опасаясь, что проклятые негры помешают их покою, успеху, темным делишкам...

– Дюнан так и не принял никакого решения? Не мог же он сидеть сложа руки.

– А он и не сидел.

– В каком смысле?

Свидетель все еще колебался. Жанна настаивала:

– У меня нет ни одного документа, подтверждающего, что в то время были приняты хоть какие-то меры.

Перрейя молчал. Несмотря на внушительную фигуру, теперь он казался едва ли не коротышкой.

– Это все из-за Тины, – выдавил он наконец.

– Кто такая Тина?

– Старшая дочь Ассалихов. Ей тогда было восемнадцать.

– Не понимаю.

Жанна чувствовала, что вот-вот она узнает нечто важное. Наклонившись над столом, она уже не так сухо произнесла:

– Месье Перрейя, при чем тут Тина Ассалих?

– Дюнан на нее запал. – Он промокнул лоб рукавом и продолжал: – Словом, хотел ее поиметь.

– Не понимаю, при чем тут работы по санации?

– Это был шантаж.

– Шантаж?

– Тина не уступала. И он хотел... Обещал начать ремонт, если она согласится.

У Жанны перехватило дыхание. Значит, был мотив. Она убедилась, что Клер все записывает. В комнате стояло настоящее пекло.

– И она уступила? – Собственный голос показался ей невыразительным.

Его глаза загорелись мрачным пламенем:

– Ремонт ведь так и не сделали, верно?

Жанна не ответила. Мотив. *Умышленное убийство.*

– Когда он познакомился с Тиной?

– В тот день. В две тысячи третьем.

Выходит, многих отравлений можно было избежать. Хотя бы вовремя начать лечение. Низость владельца не удивляла Жанну. Она и не такое повидала. Скорее ее удивляло то, что девушка не уступила. На кону было здоровье ее братьев, сестер, других ребятишек, живших в том доме.

– А Тина понимала последствия своего отказа?

– Конечно. Но она ни за что бы не уступила. Я так и сказал Дюнану.

– Почему?

– Она из племени тубу. А у них очень суровые нравы. На родине их женщины носят под мышкой нож. Во время войны они разводятся с мужьями, если тех ранят в спину. Так что можете себе представить.

Жанна наклонила голову. Опрашивая свидетелей, она всегда делала записи. Сейчас строчки плясали у нее перед глазами. Надо было продолжать. Распутать весь клубок. Отыскать эту Тину Ассалих. И разоблачить настоящего негодяя – Дюнана.

– Так что, посадите вы меня или нет?

Она подняла глаза. Он выглядел раздавленным. Уничтоженным. Жалким. Только и думает, что о своей злосчастной шкуре, семье, комфорте. От омерзения ее затошнило. В такие минуты она, как всегда во время депрессии, уже ни во что не верила. Жизнь теряла всякий смысл...

– Нет, – произнесла она не раздумывая. – Я не стану предъявлять вам обвинение. Несмотря на серьезные и последовательные доказательства вины. Учту ваше... добровольное признание. Подпишите показания и убирайтесь отсюда.

Набранные Клер странички уже выползали из принтера. Жан-Ив Перрейя встал. Расписался. Жанна взглянула на разложенные на столе фотографии. Детишки под капельницей. Мальчик с кислородной маской. Черное тельце, готовое к вскрытию. Она убрала снимки в крафтовый конверт. Сунула все в папку и отложила вправо. *Следующий.*

И так каждый день. При этом они с Клер пытались вести нормальную жизнь, думать о повседневных делах, видеть человечество хотя бы в сером цвете. До очередного ужаса. До следующего кошмара.

Жанна взглянула на часы. Одиннадцать. Она порылась в сумке, вытащила мобильный. Наверняка Тома ей звонил. Чтобы извиниться. Объясниться. Предложить встретиться в другой день... Но сообщения не было. Она разрыдалась.

Клер бросилась к ней, протягивая бумажные платки.

– Не стоит так убиваться, – сказала она, неправильно истолковав ее слезы. – Мы и не такое видели.

Жанна кивнула. *Sunt lacrimae rerum*⁶. «Есть слезы для бед». Как говаривал ее наставник Эмманюэль Обюсон.

– Вам пора, – напомнила секретарша. – У вас еще заседание.

– А после? Обед?

– Да. С Франсуа Тэном. В «Заводе». В час дня.

⁶ Вергилий. Энеида, I, 461–462.

– Черт.

Клер сжала ее плечо:

– Вы всегда так говорите. А в полчетвертого возвращаетесь сытая и довольная.

4

– Ну что, прочитала?

Жанна оглянулась на зов. Половина первого. Она направлялась к выходу, мечтая о прохладном душе и кляня скупердяйство судебного ведомства: кондиционеры вечно работали с переборами.

За ней шел Стефан Рейнхар. Тот самый, который вчера вечером всучил ей какое-то темное дело. В льняной рубашке он выглядел помятым, как обычно. И как обычно, сексуальным.

– Так ты прочитала?

– Я ничего не поняла, – призналась она, продолжив путь.

– Но ты усекла, что дело пахнет жареным?

– Факты между собой никак не связаны. Да еще этот анонимный донос... Надо разобраться, что их объединяет.

– Как раз это от тебя и требуется.

– Но я ничего не смыслю в оружии. Да и в самолетах. Я даже не знала, что Восточный Тимор – страна.

– Это восточная часть острова в Индонезии. Независимое государство. Одна из самых горячих точек планеты.

Они подошли к рамкам металлоискателя. Солнце заливало вестибюль. Охранники того и гляди сварятся заживо. Рейнхар улыбался. С портфелем под мышкой он смахивал на продвинутого препода, всегда готового забить косячок с учениками.

– К тому же я понятия не имею, что такое «сессна», – добавила она упрямо.

– Гражданский самолет. Прикинь, посудина без всяких опознавательных знаков, перевозящая автоматическое оружие. Которое использовали при попытке государственного переворота!

Как раз об этом она и прочла накануне, но вникать не стала. Даже не задумалась о том, что, собственно, это означает. Вчера, как, впрочем, и сегодня, телефонный звонок волновал ее больше, чем все государственные перевороты в мире...

– По-моему, эта история с винтовками, – она старалась казаться заинтересованной, – яйца выеденного не стоит. Отчего ты так уверен, что речь идет о французских винтовках? Причем изготовленных на этом самом предприятии?

– Да ты вообще дело читала? Их нашли в руках убитых заговорщиков. Полуавтоматические винтовки «скорпион». Со стандартными натовскими патронами. Калибра пять пятьдесят шесть. Ничего общего с обычным вооружением повстанцев в нищей стране. Такое оружие выпускает только «EDS Technical Services».

Жанна пожала плечами.

– Тебе разве не показалось, что этот анонимщик чертовски хорошо информирован? – продолжал следственный судья.

– Уж точно лучше меня. Я об этом государственном перевороте первый раз слышу.

Рейнхар изобразил покорность судьбе:

– О нем никто не слышал. Как и обо всем, что касается Восточного Тимора. Но все это есть в инете. В феврале две тысячи восьмого года повстанцы совершили покушение на президента страны Жозе Мануэла Рамуш-Орта. Того самого, который в девяносто шестом получил Нобелевскую премию мира. Нобелевский лауреат мира тяжело ранен из французской штурмовой винтовки! Черт возьми, чего тебе еще! Я уж не говорю о политической стороне дела. Выручка от этой сделки пошла на финансирование французской политической партии!

– О которой я и не слышала.

– Она только выходит на сцену. Правая партия! Дело – верняк. Посолишь, поперчишь и подашь на стол горяченьким. С этим-то ты справишься?

Жанна всегда была социалисткой. Когда-то Обюсон говаривал ей: «По молодости мы все левые, но с годами идеи смещаются вправо». Она еще не настолько состарилась, чтобы качнуться вправо. Да и сам Обюсон так и остался левым.

Рейнхар прошел под рамкой, сигнал раздался в тот самый миг, когда охранники отдавали ему честь.

– Пообедаешь со мной?

– К сожалению, не могу. Уже договорилась.

Судья прикинулся огорченным, но Жанна не поверила. Просто ему хочется поговорить о Восточном Тиморе.

Она тоже прошла через металлоискатель.

– Если дело так тебе приглянулось, может, возьмешь его себе?

– У меня от папок с незакрытыми делами уже дверь в кабинет не открывается.

– А я тебе ломик одолжу.

– Ладно-ладно. Значит, займешься? Сама же потом спасибо скажешь.

Он поцеловал ее в уголок губ. На душе потеплело. Она направилась к парковке. Легкая, как пыльца на солнце. Чувствуя себя красивой, сияющей, неотразимой. От простого соприкосновения с мужским обаянием ее депрессия улетучилась. Уж не превращается ли она в циклотимичку?

Или просто в старую деву.

5

– Сам не знаю, что со мной происходит. Так и тянет трахнуть все, что шевелится.

– Какая прелесть.

Жанна постаралась не выглядеть шокированной. Франсуа Тэн пялился на зад удаляющейся официантки. Наконец он оторвал взгляд от ее попки и с улыбкой уставился на собеседницу. Улыбка красноречиво говорила о том, что его аппетиты простираются и на Жанну. Она и не подумала обижаться. Их дружба зародилась еще в Национальной школе судебных работников в Бордо десять лет назад. Тогда Тэн как-то попытался подкатиться к ней. Следующую попытку он предпринял спустя несколько лет, после своего развода. Но безуспешно.

– Что ты будешь? – спросил он.

– Посмотрим.

Как и все парижанки, Жанна, с тех пор как достигла половой зрелости, только притворялась, что ест. Она просмотрела меню, сделала свой выбор и огляделась по сторонам. «Завод» – модный ресторан неподалеку от Этуаль. Стены обшиты деревом с выявленной текстурой. Пол из лакированного бетона. Очень умиротворяющая атмосфера, несмотря на обычный для обеденного времени гам. Больше всего Жанну прельщала двуликость этого места. В полдень сюда приходили деловые люди в галстуках. А по вечерам собирались представители мира моды и кино. Эта двойственность была ей близка.

Она вновь обернулась к Тэну, который читал меню нахмурившись, словно обвинительное заключение по громкому делу. Угловатый, как телеантенна. Прямые, будто солома, волосы. Резкие черты. Его внешность вечного студента не вязалась с повадками бывалого судьи. Франсуа Тэн, тридцати восьми лет, следственный судья в Нантере – он занимал кабинет рядом с Жанной, – был одним из тех, кто выдвинул обвинение против Жака Ширика по окончании его президентского срока.

Расставшись с женой, Тэн стал придерживаться крикливо-элегантного стиля, стремясь сгладить свою чересчур юношескую наружность и природную нескладность. Сшитые на заказ костюмы от «Эрменеджильдо Зенья». Рубашки-стретч «Прада». Обувь от Мартина Марджела. Жанна подозревала, что свои тряпки он оплачивает векселями. Как карточные долги.

Вопреки своей внешности первого ученика выражался он нарочито грубо. Ему казалось, что это шикарно. В Париже, второразрядной столице, этот прием порой срабатывал, но все же не мог полностью скрыть банальной обыкновенности персонажа. Как бы он ни лез вон из шкуры, Тэн обычно казался именно тем, кем был на самом деле. Принарядившимся провинциалом, уроженцем Амьена. Ни шика, ни утонченности.

Конечно, у Жанны были свои причины испытывать к нему привязанность. Под его властностью, напускной элегантностью, вульгарностью таилось робкое существо, пытавшееся пустить пыль в глаза. Две детали выдавали его уязвимость. Неуверенная улыбка, которую он выбрасывал вперед движением подбородка, словно пускал по воде камешек. И выдающийся кадык, резавший глаз и в то же время завораживавший Жанну.

Они сделали заказ, затем Тэн склонился к ней:

– Знаешь Одри, стажерку, которая работает в исправительной палате?

– Толстуху?

– Можешь называть ее так, если тебе нравится, – сказал он обиженно.

– У тебя с ней что-то есть?

В ответ он победно улыбнулся.

– Мне этого не понять, – вздохнула Жанна.

Тэн сложил ладони в знак долготерпения, словно давая последний шанс обвиняемому, прежде чем засадить его в каталажку.

– Жанна, ты должна усвоить одну истину. Саму сущность мужского желания.

– Я в нетерпении.

– Большинство из нас бегают за красивыми, элегантными худышками типа манекенщиц. Но это только чтобы произвести впечатление на окружающих. А когда нам пора остепениться, когда на нас никто не смотрит, нас тянет к женщинам в теле, с округлыми формами. Мужчины предпочитают толстущек. Усекла?

– Во всяком случае, теперь я знаю, к какой категории принадлежу я.

При росте метр семьдесят три вес Жанны колебался между 50 и 52 килограммами.

– Только не жалуйся. Ты принадлежишь к тем, на ком женятся.

– Что-то я не замечала.

– Ты из тех женщин, с которыми приятно показаться на людях, кого водят в ресторан, кому делают детей.

– Словом, мамаша.

Тэн расхохотался.

– А ты хочешь быть еще и шлюхой? Не многовато ли?

Задетая и польщенная, Жанна спросила:

– Ну и что ты собирался мне рассказать?

– В прошлое воскресенье во второй половине дня мы с этой самой Одри встречались у меня дома. Помнишь, как тогда жарило? Мы опустили ставни. Простыни хоть выжимай. Словом, еще та обстановочка... Ну, сама понимаешь.

– Понимаю.

– В пять часов зазвонил домофон. Натали, моя бывшая, привела детей. По воскресеньям я с ними ужинаю, а утром отвожу их в школу. Вообще-то обычно моя бывшая заявляется в семь вечера. Но в тот день отменили какой-то там спектакль, она и прито пала на два часа раньше. А у меня в постели Одри, вот я и струхнул.

– Вы же разведены?

– Не так давно. Каждый раз Натали заходит на минутку и озирается. Выглядывает, не завел ли я бабу. Она бы мигом сообразила, что у меня в спальне кто-то есть.

– И как ты выкрутился?

– Натянул трусы и велел Одри поскорее одеться. Я живу на шестом, последнем этаже, без лифта. На лестничной площадке есть чуланчик. Вот я ее туда и спровадил.

– Обошлось?

– Чуть не попался. Был момент, когда я одновременно лицезрел голые ноги Одри за дверью чулана и головы моих детишек, поднимавшихся по лестнице.

Тэн на секунду замолчал, чтобы усилить впечатление. Жанна подыграла ему:

– И что дальше?

– Ну, детишки убежали к себе в комнату, а Натали так и шарит взглядом по сторонам. Дала мне инструкции насчет детских одежек, а под конец напомнила, чтобы я заплатил за школьную столовку. В общем, все как обычно. Я уж думал, легко отделался. И тут увидел на книжной полке в прихожей солнечные очки Одри.

– Натали их заметила?

– Нет. Я сунул их в карман, пока она смотрела на часы.

– Раз она ничего не заметила, в чем подстава?

– Ну, я проводил ее до входа и уже собирался закрыть дверь, а она вдруг спрашивает: «Ты мои солнечные очки не видел? Похоже, я их где-то оставила».

Жанна улыбнулась:

– Жизнь у тебя бьет ключом. Как же ты выкрутился?

– Добрых пять минут мы с ней искали очки, лежавшие у меня в кармане. Потом я незаметно их вынул и сделал вид, что обнаружил их на полке.

Принесли закуски. Зеленый салат для Жанны, суши из красного тунца для Тэна. Несколько секунд они наслаждались едой в молчании, нарушаемом лишь постукиванием вилок. Гул голосов обедавших в ресторане дельцов был подобен их костюмам: нейтральный, гладкий, безликий.

– Что у тебя сейчас в работе? – спросил Тэн.

– Ничего особенного. А у тебя?

– У меня серьезное дельце.

– Какое же?

– Убой. Труп нашли три дня назад. Жуткое зрелище. На парковке в Гарше. Расчлененка.

Следы каннибализма. Стены сплошь покрыты кровавыми знаками. Никто ничего не понимает. Жанна положила вилку. Переплела пальцы, опершись локтями на стол:

– Ну-ка расскажи.

– Мне позвонил прокурор. С места преступления. Попросил немедленно приехать. Дело тут же всучили мне.

– А как же расследование по горячим следам?

– В соответствии со статьей семьдесят четвертой Уголовного кодекса «Установление причин смерти», учитывая особо жестокий характер преступления, прокуратура решила подключить следственного судью сразу же, для координации действий.

История все больше увлекала Жанну:

– Опиши-ка место преступления.

– Жертва обнаружена на последнем уровне подземной парковки. Медсестра.

– Возраст?

– Двадцать два года.

– Место работы?

– Центр для умственно отсталых. Ему и принадлежит парковка.

– Что дал опрос свидетелей?

– Никто ничего не видел. Ни внутри, ни снаружи.

– Камеры наблюдения?

– Камеры не было. Во всяком случае, на этом уровне.

– Окружение девушки?

– Пусто.

– Ты упомянул Центр для умственно отсталых. Может, убийца – один из пациентов?

– Это заведение для детей.

– Другие следы?

– По нулям. Следственная группа проверяет ее комп. Чтобы выяснить, не заходила ли она на сайты знакомств. Только все без толку. По мне, так это серийный убийца. Видно, ее выбрал какой-то псих. И захватил врасплох.

– У нее была какая-нибудь физическая особенность?

Тэн поколебался.

– Скорее хорошенькая. Пухленькая. Возможно, ее особенности соответствуют какому-то типу. Тому, который привлекает именно этого убийцу. Как обычно, больше узнаем, когда появится следующая жертва.

– Что-нибудь еще?

Жанна забыла про свой салат, гул голосов в ресторане, прохладный кондиционированный воздух.

– Пока это все. Жду от криминалистов результатов вскрытия и анализов. Но я бы не слишком на них рассчитывал. Почерк преступления – смесь дикой жестокости и тщательной подготовки. Не сомневаюсь, убийца принял все меры предосторожности. Что странно, так это отпечатки ног.

– Обуви?
– Нет, голых подошв. По мнению легавых, он раздевается догола. Чтобы исполнить свой ритуал.

– Почему «ритуал»?

– На стенах знаки. Что-то первобытное. Прибавь к этому следы каннибализма...

– Ты уверен?

– Руки и ноги вырваны и обглоданы до костей. По полу разбросаны остатки внутренних органов. По всему телу – следы человеческих зубов. Настоящий кошмар. А я даже не уверен, что в нашем законодательстве есть статья, предусматривающая наказание за людоедство.

Жанна смотрела в зал, но ничего не видела. Описание места преступления вызвало у нее воспоминания. Осколки ее собственной души, глубоко погребенные, тщательно скрытые под респектабельной маской судьи.

– А что за знаки на стенах?

– Причудливые формы, первобытные фигурки. Убийца смешал кровь с охрой.

– Охрой?

– Ага. Краску, наверное, принес с собой. Он и впрямь чокнутый. Показать фотографии?

– Вы передадите рисунки антропологам?

– Да, полиция уже этим занимается.

– Кто руководит следственной группой?

– Тебе не стоит им звонить, я...

– Имя.

– Патрик Райшенбах.

С ним Жанна была знакома. Еще тот мужик. Крутой. Настоящий профи. Неразговорчивый. Привык брать от жизни все. Ей вспомнилась одна подробность. Всегда небритый, а волосы – липкие от геля для волос. Просто с души воротит.

– Почему в СМИ об этом ничего не было?

– Потому что мы делаем свою работу.

– Тайна следствия, – улыбнулась Жанна. – Растущая ценность...

– Оно и к лучшему. В таком деле лишняя шумиха только мешает, надо ведь изучить каждую деталь. Я даже привлек специалиста по психологическому профилированию.

– Официально?

– Подключил его к делу, старушка, прямо как в Америке.

– Кто он?

– Бернар Левель. Собственно, у нас он один такой... Ну, еще ведутся поиски в архивах. Убийства, которые хоть каким-то боком походили бы на наше дело. Да только я в это не верю. Похоже, тут что-то совсем новенькое.

Жанна представила, как бы она погрузилась в такое расследование. Искала бы в картотеке, копалась в газетных вырезках. Приколола бы к стенам своего кабинета фотографии с места преступления. Она опустила глаза. Незаметно для себя она вертела в руках хлеб, так что он почти раскрошился. Несмотря на кондиционер, она вся взмокла.

Тэн расхохотался. Жанна подскочила:

– Что тебя так рассмешило?

– Ты знакома с Ланглебером, судебным медиком?

– Нет.

– Сверхинтеллектуал. Каждый раз выдает что-нибудь эдакое.

Жанна стряхнула крошки и сосредоточилась на словах Тэна. Она боялась приступа тоски. Как во время депрессии. Когда, выехав из туннеля, она бросала машину где придется. Или весь обеденный перерыв рыдала в туалете ресторана.

– На месте преступления Ланглебер поманил меня к себе. Я уж думал, сейчас выдаст мне стоящую подсказку. Потрясающую деталь, как в кино. А он вдруг тихо так говорит: «Человек – это канат, протянутый между животным и сверхчеловеком». Я ему: «Чего?» А он мне: «Канат над пропастью».

– Это из Ницше. «Так говорил Заратустра».

– Угу. Он мне так и сказал. Но кто, кроме этого придурка, читал Ницше? Ну и тебя, конечно, – добавил он с улыбкой.

Жанна улыбнулась в ответ. Неприятное ощущение прошло.

– А ты бы ему ответил: «Величие человека в том, что он мост, а не цель»⁷. Это продолжение того же фрагмента. Хотя я согласна, что от Ницше в расследовании толку мало.

– Мне нравится, когда ты так делаешь.

– Как – так?

– Массируешь себе затылок, запустив пальцы под волосы.

Жанна покраснела. Тэн огляделся, словно боялся, что их подслушивают. Потом наклонился к ней:

– Может, как-нибудь поужинаем вместе, а?

– Со свечами и шампанским?

– Почему бы и нет?

Им подали горячее. Тэну – говяжье филе «Россини», а Жанне – карпаччо из тунца. Она отодвинула тарелку.

– Похоже, я перейду сразу к чаю.

– Так что насчет ужина?

– Ты ведь уже как-то попытал удачу. Даже не раз?

– Как говорит Одри, «прошлое – чистая тоска».

Жанна рассмеялась. Ей нравился этот парень.

Его заигрывания хотя бы были бесхитростными. Без оттенка лицемерной грубости, как у других хищников. Напротив, в его смехе слышалась подлинная щедрость души. У него было что предложить. Эта мысль напомнила ей о другом.

– Извини.

Она покопалась в сумке. Взяла мобильный. Ни одного нового сообщения. *Твою мать*. Ощувив горький привкус во рту, она сглотнула. По-настоящему вопрос стоял так: почему она все еще ждет звонка? Все кончено. И она это знала. Но никак не могла в это поверить. Как говорят нынешние дети, «не догоняла».

⁷ Перевод с немецкого Я.Бермана.

6

На обратном пути Жанна обдумывала рассказ Тэна. Она завидовала ему. Завидовала тому, что дело досталось не ей. Тому, что убийство было таким кровавым. Напряженности и сложности подобного расследования. Она решила стать следственным судьей, чтобы раскрывать кровавые преступления. Ее целью было преследовать серийных убийц. Проникать в их смертоносное безумие. Борьба с жестокостью в чистом виде.

За пять лет работы в Нантерском суде ей доставались лишь жалкие мелкие происшествия. Торговля наркотиками, семейное насилие, махинации со страховками. А если она расследовала убийство, его мотивом всегда были деньги, спиртное или личная неприязнь.

Она пересекла Порт-Майо и поехала по проспекту Шарля де Голля в сторону моста Нейи. Из-за уличных пробок машина еле ползла. Вопреки собственному желанию Жанна почувствовала, как заработала ее память. Дело Франсуа Тэна пробудило одно воспоминание. Худшее из всех. Им-то и объяснялось ее призвание. Одиночество. Интерес к кровавым преступлениям.

Она стиснула руль и приготовилась к встрече с прошлым. Когда она думала о Мари, своей старшей сестре, ей всегда приходила в голову игра в прятки. Та, что так и не закончилась. В безмолвном лесу...

В действительности все было совсем не так, но в ее воспоминаниях водила именно она, Жанна. Считала, прижавшись лбом к дереву, зажав глаза ладонями. И в памяти вновь всплывали события – под звуки ее собственного голоса, бормотавшего: «Раз, два, три...».

Однажды вечером семнадцатилетняя Мари не пришла домой. Мать, одна растившая двух дочерей, забеспокоилась. Обзвонила всех подруг дочери. Ее никто не видел. Никто не знал, где она. Телефонные звонки убаюкали Жанну. Борясь с тревогой, она считала шепотом: «Десять, одиннадцать, тринадцать...». Сестра спряталась. Это игра. Вот и все.

На следующее утро пришли какие-то люди. Они говорили о вокзале Курбува, о парковке под насыпью. В безлюдном месте между ними и нашли Мари. Полицейские считали, что тело перенесли туда на рассвете, но убили девушку в другом месте, и... Больше Жанна ничего не слышала. Ни воплей матери, ни того, что говорили полицейские. Она изо всех сил считала: «Двадцать, двадцать один, двадцать два...». Игра продолжалась. Надо только держать глаза закрытыми. Когда она их откроет, то снова увидит сестру.

Она увидела ее через три дня, в комиссариате, когда матери стало плохо. Полицейские хлопотали над ней. Жанна смогла потихоньку заглянуть в папку. Снимки тела. Труп лежал в тени парашюта, руки и ноги поменяли местами, внутренности вытащили наружу, белые носки, детские чешки, обруч.

Жанна не восприняла эту сцену целиком. Только растр снимков. То, что они черно-белые. Светлый парик, закрывавший сестре лицо. Зато она прочитала. Фразы из полицейского рапорта. Там было написано, что смерть Мари наступила от асфиксии – она так и не поняла, что это значит. Что ее раздели. Что была произведена эвисцерация – еще одно незнакомое слово. Что ей отрезали руки и ноги и поменяли их местами: ноги приставили к плечам, а руки – к бедрам. Еще там было написано, что убийца устроил «зловещую мизансцену». Вот только что это такое?

«Тридцать один, тридцать два, тридцать три...» *Так не бывает.* Сейчас Жанна откроет глаза и увидит кору дерева. обернется и окажется в безмолвном лесу. Мари будет где-то там, среди листвы. Надо только считать. Не пропуская ни одной цифры. Чтобы дать ей время спрятаться. Так будет легче ее найти...

Потом были похороны. Их Жанна пережила как сомнамбула. Приходили полицейские. С понурыми лицами, запахом кожи, одними и теми же вопросами. Затем мать стремительно опу-

стилась. Через год неизлечимая наркоманка заплетающимся языком поведала Жанне, что она всегда была ее любимицей. «Ты родилась из хаоса, поэтому тебя я всегда любила больше...»

У Жанны и Мари были разные отцы. Отец Мари ушел, и о нем никогда не говорили. Отец Жанны тоже ушел, и о нем говорили еще меньше. Единственным наследством, которое он ей оставил, была ее фамилия – Крулевска. Много лет спустя Жанна попыталась узнать о нем хоть что-нибудь. Расспросила мать. Отец был поляком. Наркоман, называвший себя киношником и уверявший, что окончил Высшую школу кинематографии в Лодзи, ту самую, где учились Роман Полански, Ежи Сколимовски, Анджей Жулавски. Настоящий соблазнитель. И красной бай. В конце семидесятых он вернулся на родину. Больше они о нем не слышали.

Жанна была плодом случайной встречи двух хиппи в лучших традициях семидесятых. Парочку нариков свела кислота, а может, и шприц с героином. Они переспали. От их трипа родилась Жанна. Но, как утверждала мать, ее она любила сильнее, чем Мари. И теперь это обернулось против нее. Мари погибла из-за недостатка внимания. Мать невозможно было разубедить. А значит, во всем виновата Жанна. Избалованная любимица. Та, о которой позаботились. Она-то была в безопасности, а ее сестру расчленили...

«Сорок три, сорок четыре, сорок пять...»

Слова матери повлияли на решение Жанны больше, чем убийство Мари. Она ощущала себя обязанной. Это был ее нравственный долг. Перед Мари. Перед всеми жертвами женского пола. Перед изнасилованными. Перед женами, которых бьют мужья. Перед убитыми незнакомками. Она станет следственной судьей. Она настигнет подонков и именем закона потребует возмездия. «Пятьдесят четыре, пятьдесят пять, пятьдесят шесть...»

С этой мыслью она на «отлично» сдала выпускные экзамены в школе. С этой навязчивой идеей защитила магистерскую диссертацию. Одержимая той же манией, окончила подготовительный курс в Институте юридических исследований, затем поступила в Национальную школу судебных работников. Завершив образование, год провела в Латинской Америке, пытаясь избавиться от своего наваждения, но ничего не вышло. Она вернулась во Францию. Два года проработала в Лиможе, три в Лилле, прежде чем осесть в Нантере.

Ни на миг не забывая о своей цели.

Вернувшись в Иль-де-Франс, она извлекла на свет божий дело об убийстве сестры. Преступление было совершено в Курбвуа, подпадающем под юрисдикцию Нантерского суда. Она запросила досье из архива прокуратуры.

Прочитала его. Перечитала. Изучила вдоль и поперек. Озарение так и не наступило. Она наивно полагала, что недолгий опыт работы в суде поможет ей разобраться. Разглядеть след. Но нет. Ни единой зацепки. Убийца больше ни разу не проявил себя.

Единственное, что ее поразило, – замечание журналиста из «Актюэль». Вырезку от октября 1981 года она обнаружила в папке с делом. Там отмечалось сходство между поставленной убийцей мизансценой и «куклами» художника Ханса Беллмера. Те же переставленные руки и ноги. Тот же светлый парик. Те же белые носочки и черные туфельки. Тот же обруч...

Жанна собрала сведения. Беллмер – немецкий художник и скульптор начала XX века, позже увлекшийся фотографией. Его куклы в человеческий рост стали для нее откровением. Они в точности походили на изувеченное тело сестры. За свой счет она совершила несколько путешествий. Побывала в Музее современного искусства в Нью-Йорке. В галерее Тейт в Лондоне. В музеях Германии. Обошла весь Центр Помпиду. Видела скульптуры, гравюры, рисунки. И плакала. Она воображала убийцу, прошедшего тот же путь. Безумца, проникшего в каждом из музеев дьявольским духом этих инсталляций. Похитителя бредовых идей, у которого не оставалось иного выбора, как только воплотить их в жизнь, пользуясь человеческими телами.

Она побывала во многих местах, где когда-то жил художник. В Германии. Во Франции – в Париже и Провансе. Она обращалась в ближайшие полицейские участки. Всюду искала след убийцы. Деталь. Улику. Все впустую.

Наконец она смирилась с очевидностью. Она навсегда останется девочкой, которая зажимала глаза ладошками и потихоньку считала. Которой не терпелось отправиться в лес на поиски правды. Не затем, чтобы найти сестру или ее убийцу, а чтобы найти *объяснение*. Однажды она отыщет источник зла...

«Шестьдесят семь, шестьдесят восемь, шестьдесят девять...»

Жанна подскочила. В окно машины кто-то стучал. Она огляделась. Машинально она доехала до Нантерского дворца правосудия на проспекте Жолио-Кюри. И затормозила.

Над окном наклонился полицейский:

– Здесь нельзя останавливаться, мадам. Это... Ох, простите, я вас не узнал, мадам судья.

– Я... я на парковку.

Она поехала к подземной парковке. Бросила взгляд в зеркало заднего вида. Лицо мокрое от слез.

На полутемной парковке она наконец узнала странный звук, заполнивший салон машины. Это был ее собственный голос, тихонько считавший: «Восемьдесят один, восемьдесят два, восемьдесят три...».

Девочка, припавшая к дереву.

Зажавшая глаза ладошками.

7

Когда Жанна вошла в свой кабинет, Клер предупредила ее, что по Восточному Тимору пришло обвинительное заключение. Значит, расследование поручено ей официально. Клер уже завела дело. Под номером 2008/123. И Жанна решила с головой уйти в работу. В конце концов, и здесь пролилась кровь. А если ей удастся убрать с политической арены нескольких подонков, тем лучше.

Она быстро провела допросы свидетелей, назначенные на вторую половину дня. В пять часов отпустила Клер домой. Переключила телефон на автоответчик, заперла дверь. И сосредоточилась на документах. В папке оказалось всего несколько листков. Составленный судьей из По перечень следственных действий, которые в 2006 году ни к чему не привели. Отпечатанный на машинке анонимный донос от февраля 2008 года. Справка налоговых служб департамента О-де-Сен, подтверждающая некоторые упомянутые в нем факты.

Все началось в мае 2006 года.

Авиадиспетчер на пенсии отслеживал через интернет французские коммерческие рейсы. У него была навязчивая идея – торговля оружием. Прежде всего он следил за полетами с гражданских аэродромов, расположенных вблизи от производителей вооружения. Главным образом его интересовал регион, в котором он жил. Юго-запад Франции, где размещается один из лидеров рынка вооружений – «EDS Technical Services».

В мае 2006 года его внимание привлек странный рейс. «Сессна-750» под номером 543VP, принадлежащая компании «СІТА», 15 мая вылетела с аэродрома в Жука вблизи Биаррица в столицу Гамбии Банжул. Весьма необычное место назначения. А главное, с этой полосы самолеты уже не взлетали.

Бывший авиадиспетчер собрал сведения о компании «СІТА». Как ни странно, такого общества не существовало. Через интернет он проследил за таинственным рейсом. Самолет так и не приземлился в Банжуле. Судя по всему, едва поднявшись, пилоты сменили радиочастоты и легли на другой курс.

Авиадиспетчер тщательно изучил связанные с этим рейсом счета. Все они были выложены в интернете. Горючее. Снабжение. Оплата экипажа. Еще одна неожиданность: все расходы взяло на себя общество «Nogon», филиал компании «EDS Technical Services».

Сыщик-любитель выяснил, что хотел. Французское оружие втихую переправляют за рубеж. Он разослал мейлы по всему миру другим фанатам воздушных полетов, но так ничего и не добился. Шерлок Холмс исчерпал свои ресурсы.

Сентябрь 2006. С собранными документами он обратился в главное полицейское управление города По. Ему повезло: полицейский, к которому он попал, прислушался к его истории. И передал этот первый протокол в прокуратуру По. Расследование было поручено судье, наделенному полномочиями, чтобы провести международное расследование и отыскать самолет, а также имевшему право запросить счета у общества «Nogon». И снова удача: судья по фамилии Виттали увлекся этим делом.

Допрос Жан-Луи Деммара, президента общества «Nogon», производящего оборудование для спутниковой связи, ничего не дал. О рейсе он ничего не помнил. Пообещал проверить свои счета. Но изготовить подложные документы – план полета, заказы на поставку, платежки – ничего не стоит. Судья поторопился. Плохо подготовился к первому допросу свидетеля...

Тем временем международное расследование принесло свои плоды. В феврале 2007 года Виттали кое-что узнал о том самом бизнес-джете. 15 мая 2006 года в 22 часа борт совершил посадку в международном аэропорту Дубая в Объединенных Арабских Эмиратах, чтобы заправиться горючим. Куда он двинулся дальше? Судье понадобилось еще два месяца, чтобы выяснить это наверняка. На следующий день «сессна» под номером 543VP приземлилась в

Восточном Тиморе, независимом государстве, расположенном на одном из Зондских островов, между Индонезией и Австралией. Причем борт сел не в Дили, столице Тимора, а на втором аэродроме острова, на западе, у города Бакау. Какой груз перевозил самолет?

Судья решил не бросать деньги на ветер. Не было ни допросов, ни обысков, ни телефонных прослушиваний. Жанна догадывалась почему. В среднем следственный судья одновременно ведет сто пятьдесят расследований. Пока Виттали ждал известия о самолете, прошло полгода. Тем временем у него в кабинете скопилась целая гора дел. Не имея ни исков, ни конкретных данных, он отказался от расследования. Как говорят судьи, «новое дело прогоняет старое».

Конец первого акта.

Следующий начался через год, в конце февраля 2008-го. В прокуратуру О-де-Сен поступил анонимный донос. Настоящее обвинительное заключение, к которому были приложены документы из По, а также отчеты налоговых служб департамента. Все это означало, что анонимный доносчик не только располагал сведениями о махинациях «EDS Technical Services», но и имел возможность получить официальные документы. Следовательно, он – не частное лицо.

А для затравки анонимщик сообщил, какой именно груз перевозила «сессна». Пулеметы. Пусковые установки. Гранаты. Штурмовые винтовки, о которых в документе содержались уточнения. Полуавтоматические винтовки «скорпион» со стандартными патронами НАТО 56 × 45 мм, с оптическим прицелом и лазерным целеуказателем. Эксклюзивный поставщик – «EDS Technical Services».

К этому прилагалась и другая информация. «Скорпион» – винтовки, которые были обнаружены у повстанцев, 11 февраля 2008 года совершивших в Дили покушение на президента Жозе Рамуш-Орта. Он был тяжело ранен. Доставлен в больницу в австралийском Дарвине. Сейчас он вне опасности.

Жанна задумалась. Дело опасное. Даже взрывоопасное. Франция причастна к покушению на жизнь лауреата Нобелевской премии мира, президента зарождающейся демократии. Греха не оберешься...

А ведь Жанна даже не уверена, что правонарушение имело место. На Восточный Тимор не наложено эмбарго. Значит, нет ничего незаконного в том, чтобы ввозить туда оружие. Конечно, его нельзя продавать преступникам. Но всегда остается возможность, что оружие просто попало не в те руки, хотя первоначально предназначалось для правительственных войск или сил безопасности. Скорее всего, австралийских. Именно это и будет утверждать руководство «EDS». Жанна уже представляла себе эти допросы. Боссы с целой свитой адвокатов, прикрываемые политиками. Такие могут себе позволить утверждать все, что угодно. Ей же останется передать дело тиморскому судье, издав международное судебное поручение. Процедура, которая затянется на несколько лет.

Хотя все куда сложнее.

Третий акт расследования.

Отчет налоговых служб перемещал его в совершенно другую сферу. В сферу фальшивых счетов и политической коррупции. Анонимный источник, не приводя доказательств, тем не менее утверждал, что одновременно с поставкой оружия «EDS Technical Services» уплатила около миллиона евро консалтинговой фирме «ВЧ» – налоговый отчет подтверждал, что «ВЧ» выставила счета этой компании. А это предприятие, расположенное в Леваллуа-Перре, в департаменте О-де-Сен, подозревали в выставлении фальшивых счетов различным компаниям, стремившимся к получению госзаказов. Жанна отметила иронию, наверняка намеренную, заключающуюся в названии консалтинговой фирмы. «ВЧ» в военных сводках означает «Все чисто».

Все знают, как работает эта система. Депутаты получают деньги, передавая специализированным предприятиям госзаказы на строительство или на поставки продукции. Эти пред-

приятия «покупают» госзаказы через подставные фирмы, которые затем переводят средства в кассу политической партии, от которой избран депутат. Или же деньги поступают непосредственно в карман последнего через заграничные счета или фирмы, зарегистрированные где-нибудь в «налоговом раю». Именно так политические партии финансируют избирательные компании, а депутаты обогащаются. Подобная махинация была раскрыта во Франции в девяностых годах в ходе расследования по делу компании «Урба». Первому в длинной череде подобных дел, заляпавших грязью все партии: как левые, так и правые.

Судя по налоговому отчету, фирма «ВЧ» связана с новой центристской партией РПС – Республиканской партией свободы. Жанне уже доводилось слышать об этом во время мартовских муниципальных выборов. Вопрос в том, за чьи именно услуги платила компания «EDS Technical Services». Ответ лежал на поверхности. Поставка оружия в Восточный Тимор стала возможна благодаря Бернару Жименесу, который в 2006 году был советником Управления военной контрразведки. А Жименес – один из основателей РПС...

Жанна выронила маркер. «Посолишь, поперчишь и подашь нам горяченьким». Рейнхар прав. Здесь есть из чего сострять добротный политический скандал. Только бы не промахнуть. А еще сохранить свое расследование в тайне. Жанна не забыла процесс в Нантерском суде в 2004 году по делу о прослушивании: кабинеты тех, кто осудил Алена Жюппе⁸, тайно обыскивали, рылись в компьютерах, а телефонные разговоры записывали, не говоря уже о давлении, угрозах и анонимных письмах...

Но сейчас ей не хватало главного – улики. Если она берется за это дело, ей придется доказать вмешательство Жименеса как представителя министерства обороны в момент, когда экспортировалось оружие. Доказать, что счета, выставленные фирмой «ВЧ», не соответствуют никаким реальным услугам. Проследить путь денег на счетах компании, а затем на счетах Республиканской партии свободы. И конечно, на счетах самого Бернара Жименеса. Придется продирааться через целую сеть подставных фирм, номерных счетов в Швейцарии, денежных переводов в какой-нибудь налоговый рай. А это титанический труд, на который уйдут годы, и без малейшей уверенности в успехе.

Жанна готова была рискнуть. Но на успех она почти не рассчитывала. Во Франции подобные дела никогда не доводятся до конца. Еще со студенческих лет она следила за громкими «скандалами Республики». Фальшивые счета, махинации с госзаказами, черные кассы, финансовый рэкет, взятки, фиктивные рабочие места... И ни разу ни одному судье не удалось прижать политиков. *Ни единого раза*. Разражался скандал. Какое-то время он занимал первые полосы газет. Затем о нем забывали. Даже если спустя годы начинался судебный процесс, правосудие и политика договаривались полюбовно. И каждый выходил сухим из воды. Как пел Аллен Сушон: «Паханы снова на коне, и все у них в ажуре».

Она сняла трубку и связалась с Восьмым отделом судебных поручений, который занимается фальшивыми счетами. Там у нее был знакомый – капитан Эрик Кредель по прозвищу Крендель, его еще иногда называли Счетчиком за способность разбираться в счетах, в которых сам черт ногу сломит.

– Крендель? Крулевска.

– Как жизнь, Крулевска?

– Нормально. У меня снова аврал. Посылаю тебе факсом первую часть. Посмотрим, что ты скажешь.

– Послушай, Жанна, у нас тут и так дел невпроворот...

– Сначала прочти.

– А что это?

– Не телефонный разговор. Прочти и перезвони.

⁸ Политик правого толка, осужденный за финансирование своей партии за счет казны.

– С чего ты думаешь начать?
– С прослушки. Целой кучи номеров.
– Еще чего не хватало! У нас нет ни одной свободной бригады, и...
– Прочти факс. Потом посмотри свою почту. Я посылаю тебе список тех, кого надо поставить на прослушку. Сейчас поищу их координаты. С остальным разберайся сам.

Жанна повесила трубку. Она мало что смыслила в прослушивании. Это дело непростое. Нужно добиться от операторов стационарной телефонии, чтобы они подключили отводные кабели. Договориться с компаниями мобильной связи. А Жанне требовалось еще больше. Установить жучки в кабинетах, прослушивать квартиры. Она собиралась обратиться в Межминистерскую службу технической поддержки. К горстке людей, которые незаметно устанавливают жучки. Затем офицеры полиции прослушивают аудиозаписи, заносят в протоколы все самое интересное и передают следственному судье.

Нередко все это ничего не дает. Или суд отклоняет доказательства из-за вмешательства в личную жизнь подозреваемых. Это первое, что приходит в голову их адвокатам. Легко доказать, что установленный в квартире микрофон позволил вмешаться в личную жизнь в значительно большем объеме, чем это требуется для записи двух-трех подозрительных разговоров. Тем самым следственный судья оказывался виновным в незаконных действиях. Он превысил свои полномочия. Дело закрывается. Но Жанна была готова и к этому риску. Все равно другого пути она не видела.

В ожидании звонка Кренделя она зашла в интернет и отыскала адреса и телефоны. Рабочие и домашние. Заодно проверила кое-что еще. Она задумала это с самого начала. Отправила мейл и снова погрузилась в досье.

Через полчаса зазвонил городской телефон. На часах половина восьмого. Звонок. Минутная пауза. И новый звонок. Жанна взяла трубку. Это точно Крендель. Они придумали этот код, чтобы не нарваться на надоедливую журналистку. Газетная братия взяла манеру звонить судьям после семи, чтобы не попасть на секретаршу.

– Это бомба, – сказал Крендель. – Я в деле.

Его голос дрожал от возбуждения.

– В понедельник заберу судебные поручения. А пока сегодня же вечером начнем прослушивать мобильные и домашние телефоны. В субботу установим жучки в офисах. Нам не помешают. Еще я пошлю ребят в По, чтобы поработали с производственными помещениями.

Жанна вздрогнула. Запущенная «боевая машина» взбудоражила и ее. Торопливая речь Кренделя лишь подтверждала то, что она знала и так. Этот человек не боится. Он не думает ни о повышении, ни о пенсии. Он *на ее стороне*.

– Есть одна неувязочка, – сказал он. – Последняя фамилия в твоем списке – Антуан Феро. Он-то тут при чем?

Жанна ждала этого вопроса:

– Не бери в голову. У меня все под контролем.

– Он ведь не то психоаналитик, не то психиатр?

– И то и другое.

– Ты предупредила Национальный совет врачей?

– Говорю же, у меня все под контролем.

– Нарушение врачебной тайны. Смотри не погори, красотка.

– Это ведь мое расследование? Записи не надо обрабатывать. Будешь посылать мне сырые данные. Прямо в электронном виде. С опечатанным оригиналом. Каждый вечер. О'кей?

– Что ты затеяла?

– Ты мне доверяешь или нет?

– Завтра после обеда поставим его кабинет на прослушивание.

Жанна повесила трубку, чувствуя, что во рту пересохло. Только что она совершила самое тяжкое нарушение профессиональной этики. Смертный грех для судьи.

Она внесла в список лиц, подлежащих прослушиванию, психоаналитика, к которому ходил Тома.

Она знала, как его зовут.

Нашла в телефонном справочнике адрес его кабинета.

Она прослушает сеансы Тома и наконец узнает.

8

Прошло шесть дней. Все сложилось не так, как было задумано.

В субботу, 31 мая, Крендель направил в «Оранж» и «Франс Телеком» предписание о прослушивании. В свою очередь, служба технической поддержки установила жучки в кабинете Бернара Жименеса в штаб-квартире Республиканской партии свободы. В 2007 году политик ушел из министерства обороны, чтобы занять пост казначея своей партии. То же самое было сделано в кабинетах генерального секретаря РПС Жан-Пьера Гриссана и президента фирмы «ВЧ» Симона Матюри. Уже в пятницу вечером Кредель нашел в По нужных людей, чтобы поставить на прослушку телефоны компаний «EDS» и «Nogon». В соответствии с параграфом 4 статьи 18 Уголовного кодекса следственный судья может посылать полицейских в любое место во Франции, если это нужно для «установления истины». В выходные аппаратура была установлена в кабинетах Жан-Луи Деммара, владельца «Nogon», и Патрика Лэша, директора «EDS». К городским телефонам подключили отводные кабели. Мобильные прослушивались через единый сервер.

Во вторник, 3 июня, Жанна получила первые письменные отчеты. Всего несколько страниц. С нулевым результатом. Ни одного подозрительного разговора. Ни намек на лоббирование чьих-то интересов. Не говоря уже о денежных переводах, внесении средств на банковский счет или выплатах наличными. Никаких двусмысленных слов, которые указывали бы на использование шифра. Ничего. У подозреваемых был какой-то другой способ связи. Жанна в этом не сомневалась.

В тот же день она обязала провайдеров перехватывать их мейлы. Но и это ничего не дало. Фирма «ВЧ» на самом деле работала чисто.

Но инстинкт подсказывал Жанне, что махинации не прекратились. Как знать, не предупредили ли их о прослушивании? Крендель вне подозрений, как и парни из технической поддержки. Но утечки есть всегда. Юридическое сообщество подвержено им, как никакая другая административная инстанция.

По правде говоря, с тех пор как развернулись следственные действия, Жанну Крулевска гораздо больше интересовали совсем другие записи. Те, что с вечера понедельника велись в кабинете Антуана Феро, психоаналитика Тома. Каждый вечер под дверь квартиры ей подсовывали крафтовый конверт, содержащий два диска – запечатанный и копию для прослушивания. Запись консультаций психоаналитика за один рабочий день.

И здесь улов оказался богатым.

Пожалуй, даже слишком.

Жанна знала, в какое время Тома ходит на консультации. В два часа по понедельникам. В полчетвертого по средам. В первый же вечер она прогоняла запись в компьютере, пока не услышала голос Тома. Так она узнала то, что хотела знать. У Тома была не одна, а две любовницы.

Он говорил о женитьбе, детях, колебался между двумя женщинами.

Говорил, что в его возрасте пора остепениться. Создать семью.

Но Жанна в кастинге не участвовала. Тома не упомянул о ней ни разу. Она не входила в его текущие планы, тем более – в планы на будущее. Была всего лишь одной из тех, с чьей помощью легко удовлетворить свои желания и утолить жажду побед, – одной из тех, с кем, как изящно выражаются мужчины, можно «перепихнуться», чтобы затем, словно пресытившийся вояка, зажечь тихой семейной жизнью. Общим потенциальным невестам было не больше двадцати пяти. Чтоб тебе...

Рыдая, бесясь, чертыхаясь, Жанна десять раз прослушала это место. Чего ради она угрожала на этого мерзавца столько времени, столько надежд? В ту же ночь она порвала его письма,

выбросила фотографии, уничтожила мейлы и стерла из памяти мобильного номер его телефона. Трудно сказать, полегчало ли ей, но она хотя бы расчистила место.

И все-таки она ждала вечера среды в каком-то оцепенении и, признаться, со смутной надеждой. С той подлой надеждой, которая сгубила не одну женщину. А вдруг на следующем сеансе он вспомнит и о ней? Куда там. Новый диск лишь подтвердил диагноз. Две любовницы. Обе молоденькие. Намерение жениться на одной из них. И ни слова о ней. *Старой кошелке.*

И тут Жанна почувствовала признаки исцеления. Кажется, это началось еще в понедельник... В каком-то смысле удар, нанесенный первой записью, пошел ей на пользу. Вызвал катарсис. Болезненный, но необходимый. *Пора идти своей дорогой.*

Заодно наметилось кое-что новое. Тогда же, в понедельник, когда Жанна, даже не присев, ела у себя в гостиной рис, нездоровое любопытство толкнуло ее прослушать и другие сеансы. Голоса. Тайны пациентов.

Одно место ее особенно поразило. Говорил священник лет пятидесяти.

– Моя вера слабеет, доктор. Никому, кроме вас, я не могу в этом признаться. Убежденность оставляет меня... Она словно сгорает. Тает как свеча. Но всегда останавливается в одной точке...

– Какой точке?

– Скажем, я верю во все, что было до казни Христа. А вот дальше ничего не получается. Не верится в последующие чудеса. В воскресение Христа. В его возвращение к апостолам. Ничего не выходит.

– То есть ваша вера останавливается на распятии?

– Вот-вот, на распятии.

Молчание.

– Вы ведь родились в многодетной семье?

– Семь братьев и сестер. В Эльзасе. Мы это уже обсуждали: у меня было счастливое детство.

– Но ваш отец всегда отдавал предпочтение младшим?

– Доктор, это меня несколько не задевало. Я был старшим. Понимал отцовские чувства. К тому же я рано уверовал. Вера заполнила мою жизнь. Из-за нее я очень рано уехал из дома.

Антуан Феро никак не прокомментировал сказанное. Священник причмокнул губами. У него наверняка пересохло в горле. Жанне хорошо знакомо это ощущение. Когда говоришь лежа на кушетке, во рту не остается слюны, а к голове приливает кровь.

– Вера, которая останавливается на распятии Христа, – повторил Феро.

– Ну и что?

– Вы ведь помните последние слова Иисуса?

Снова молчание. Затем голос священника покорно произнес: «Отче Мой! для чего Ты Меня оставил?»

Продолжая клевать белый рис из пиалы, Жанна улыбнулась. «Хорошая работа, Феро...» Она представила себе его кабинет. Блестящий паркет. Марокканский килим. Золотисто-коричневые тона. Книги на полках. Кресло рядом с кушеткой, спинкой к окну. Чуть подальше наискосок стоит стол.

Не все сеансы оказались интересными. Но они всегда были разными. Торопыги, вечно убегавшие раньше времени. Болтуны, из тех, что говорят не закрывая рта. Молчуны, из которых слово клещами не вытянешь. Рационалисты, все подвергающие анализу, старательно выстраивающие свои воспоминания и фантазии. Поэты, которых убаюкивают собственные слова и чувства. А еще те, что склонны к ностальгии и с упоением и грустью вспоминают прошлое. Упрямыцы, приходившие скрепя сердце, каждый раз уверяя, что этот сеанс – последний.

Она слушала. Снова и снова.

– Я онанирую каждый раз, когда вспоминаю о ней, – звучал низкий голос. – А ведь в прошлом году я выставил ее как последнюю дрянь. И уже три года к ней не прикасался! Откуда это внезапное желание? Откуда это наваждение, ведь я больше знать ее не хотел?

– Ваше наслаждение связано не с самим актом онанизма, а с чувством вины, – отвечал Феро. – Онанируя, вы ласкаете не тело той женщины, а собственные угрызения совести. На самом деле вы любите свое злодеяние. Вы виновны, и вам это нравится. Это чувство и порождает наслаждение.

Жанна веселилась от души. Все эти разговоры психоаналитиков она знала наизусть. Два года кряду ее пичкали подобными ответами, всегда противоречивыми и туманными, но иногда попадавшими точно в цель. Во всяком случае, они побуждали к размышлениям, заставляли погружаться в собственные потемки, чтобы искать там новую истину.

Но больше всего ее завораживал голос Антуана Феро. Потусторонний, но мужественный. С легкой хрипотцой. Интонация тоже была необычной. Неторопливой и торжественной, придававшей каждому слову особую значительность. В этом голосе звучало что-то сладостное и чарующее, словно льющий на душу бальзам.

Три диска – за понедельник, вторник и среду – позволили Жанне насладиться благотворной силой его голоса. Она разработала целый ритуал. Каждый вечер выключала свет, устраивалась на диване и надевала наушники. Укрывшись во тьме, она отдавалась во власть его обольстительной мягкости. Голос проникал внутрь и подобно рычагу раздвигал ребра, давая сердцу, будто расширявшемуся от этого звука, биться в полную мощь...

И вот накануне вечером Жанна почувствовала, как что-то в ней надломилось. Непреодолимый порыв побудил ее сунуть руку в трусики и ласкать себя, пока не кончилась запись. Уже сожалея, что все испоганила. Замарала голос, внушивший ей чистое чувство...

Утром 5 июня, в четверг, она застряла под душем, ругая себя последними словами. Мастурбировать под голос психоаналитика, одна, у себя дома, в темноте. Нечего сказать, доказалась...

Она вытерлась. Причесалась. Запотевшее зеркало еще не просохло. Она и не торопилась увидеть свою физиономию. Бледная как смерть. Заострившийся нос. А все-таки она красивая. Тонкие черты. Матово-белая кожа в россыпи веснушек. Высокие скулы. И эти зеленые глаза, в хорошие дни сверкавшие, как агаты. Однажды Тома сравнил ее с абсентом, который теперь запрещен, а в XIX веке был необычайно популярен. Тогда-то его и прозвали «зеленой феей». Над рюмкой бледно-зеленого напитка полагалось растапливать сахар. Тома трудно назвать поэтом, и все же он подметил сходство. Зеленого абсента с ее глазами. Пламени с рыжиной ее волос. И она так же кружит голову... В тот вечер он прошептал: «Ты моя зеленая фея...» Метафора завершилась в постели. Жанна не сомневалась, что эти сравнения он позаимствовал в глянцево-м журнале, и все же воспоминание грело ей душу.

С влажными волосами она вышла из ванной. Выпила сваренный заранее кофе. Сгрызла тост из хлеба с отрубями. Проглотила обычную дозу эффексора⁹. Открыла шкаф и, не раздумывая, как форму, выбрала одежду.

Белые джинсы.

Белая с черным узором блузка.

Льняной пиджак.

И туфли от «Джимми Чу» с заостренными, как кинжалы, носками.

Подхватила ключи, сумку, папку с документами – и с силой захлопнула дверь.

А теперь на работу.

Дела. Допросы свидетелей. Очные ставки.

⁹ Антидепрессант.

И гнать от себя все эти глупости с безликим голосом, сердечным бальзамом и ночными ласками.

9

Едва поднявшись к себе на этаж, она поняла: что-тостряслось. В коридоре спиной к ней стояли двое полицейских. Здоровяки с красными повязками на руках. На поясе пистолеты, выставленные напоказ. Все серьезно.

Один из них обернулся. Она узнала плохо выбритого, слегка щекастого капитана Патрика Райшенбаха, начальника группы в уголовке. Волосы, как обычно, вымазаны гелем. Жанна поспешно попыталась взъерошить свою еще влажную шевелюру. Напрасно.

– Привет, – улыбнулась она. – Каким ветром вас занесло?

– Заехали за Тэном.

Только Жанна хотела расспросить его поподробнее, как из кабинета показался Тэн собственной персоной. Свежевыбритый, на ходу натягивающий пиджак, с кожаным портфелем в руке. За ним вышла его секретарша.

– В чем дело? – спросила Жанна.

– Еще одно. – Тэн подвигал плечами, оправляя пиджак. – Новое убийство. Опять людоед. Еду туда. В девять-три¹⁰. Прокуратура Бобины передает дело нам.

Жанна окинула их взглядом. Непроницаемый Райшенбах. Второй, незнакомый ей полицейский, такой же замкнутый. Тэн уже натянул на себя стандартное выражение невозмутимого следственного судьи. Секретарша у него за спиной последовала его примеру. *Все суперсерьезно.*

– О'кей, – произнес Тэн, читая мысли Жанны. – Ты с нами?

– А можно?

– Не вопрос. – Он взглянул на часы. – Это в Стене. К обеду вернемся.

Жанна кинулась в свой кабинет. Дала указания Клер и присоединилась к остальным в лифте.

На улице разразился назревавший с самого утра ливень. Чудесный летний ливень. Теплый. Мутный. Освежающий. Капли, словно китайские петарды, громко захлопали по асфальту. Небо походило на огромный парашют из переливчатого темного шелка, в который играючи задувал ветер, на лету вылепляя из облаков подвижные, изменчивые скульптуры.

Их ждала служебная машина, припаркованная во втором ряду на проспекте Жолио-Кюри. Напарник Райшенбаха по фамилии Леру сел за руль. Капитан устроился рядом. Судьи и секретарша заняли заднее сиденье.

Не дожидаясь, пока «пежо» тронется с места, Тэн спросил:

– Что там у нас?

– Жертва – Нелли Баржак. Двадцать восемь лет.

– Где работала?

– В медицинской лаборатории. Убита на служебной подземной парковке.

Жанна сидела справа, соприкасаясь плечами с втиснувшейся в серединку секретаршей.

– Ее убили среди ночи, – продолжал Райшенбах. – Она работала допоздна и уходила последней. Видно, убийца поджидал ее внизу. Захватил врасплох, когда та садилась в свою тачку.

– Убита на месте?

– Не совсем. Он утащил ее в другое подземелье. Еще ниже. Похоже, он хорошо ориентируется на месте. Или работает там, или приходил раньше, чтобы осмотреться. Как бы то ни было, он избегал камер слежения.

– Кто нашел тело?

¹⁰ Порядковый номер департамента Сен-Дени.

– Охранник. Сегодня рано утром. Шел дождь. Он осматривал подземный уровень, предназначенный для стоков. Не сразу понял, что перед ним труп. Я имею в виду, труп человека.

После каждого ответа Тэн выдерживал короткую паузу, словно раскладывал информацию по особым ящичкам мозга. Жанна слушала, одновременно пытаясь сообразить, где именно они сейчас проезжают. Ничего не разобрать. Пути. Указатели. Цифры. Все словно размыто дождевыми струями. Небо над ними набухло от воды, будто серая губка. Время от времени его вспарывала яркая вспышка молнии.

Шофер выехал на север, в сторону Сена-Сен-Дени, в объезд Парижа. Единственной светлой точкой посреди бури оставался экран навигатора на приборной доске, на котором время от времени высвечивались отрезки маршрута.

– Что за лаборатория?

Райшенбах вынул из куртки записную книжку и надел очки:

– Лаборатория... цитогенетики. Там исследуют эмбрионы. Сам толком не знаю.

– Моей жене делали такой анализ, – вмешался Леру. – Это чтобы проверить, что зародыш нормальный.

– Амниоцентез.

Все уставились на Жанну. Она продолжала, стараясь говорить непринужденно, а главное, не поучительно:

– Гинеколог берет в матке беременной женщины пробу околоплодных вод. Затем отслоившиеся клетки зародыша или пузыря, в котором он находится, помещают в питательную среду и исследуют хромосомы, чтобы установить кариотип формирующегося младенца.

Тэн спросил, глядя в окно, словно вовсе не интересовался ответом:

– А что такое кариотип?

– Хромосомный набор ребенка. Двадцать три пары хромосом, определяющие его будущую личность. Это позволяет отследить возможную аномалию в одной из пар. Например, трисомию по двадцать первой хромосоме, то есть синдром Дауна. В Париже таких лабораторий раз-два – и обчелся. А эта как называется?

Райшенбах заглянул в записную книжку и обернулся к ней:

– «Павуа». Слышали о такой?

Жанна отрицательно покачала головой. Она едва не добавила, что ей это ни к чему. Она-то не беременна. И даже ни с кем не живет. И вообще ее жизнь – полный отстой. Но сдержалась. Все-таки она здесь в качестве судьи. Да и время для излияний неподходящее.

– А первая жертва, – уточнил Тэн, обращаясь к полицейскому, – вроде работала в центре для умственно отсталых детей?

– Ну да. Детишек, страдающих... – Райшенбах перевернул свою записную книжку, – ПРР – первазивными расстройствами развития. – Он обернулся к Тэну, снимая очки: – Думаете, есть связь между такими детишками и амнио... как его там?

– Есть сходство с первым убийством? – продолжал Тэн, не отвечая. – Я имею в виду модус операнди?

– Совпадает все. Парковка. Надписи на стенах. И конечно, труп. В том же состоянии, что и первый.

– А между жертвами есть что-то общее?

– Пока рано судить. Мы ведь еще не видели, как выглядела вторая женщина... до убийства.

Его слова оборвала дробь дождя. Жанна продолжала смотреть по сторонам. Ливень мешал разглядеть пейзаж, но не настолько, чтобы скрыть его неприглядность. Всякий раз, когда ей случалось проезжать по лабиринтам заводов, промышленных зданий и корпусов, она невольно задавалась вопросом: как можно было до этого довести?

Ей мерещилась связь между убийцей и этими мерзкими городами. Жилыми комплексами. Улицами. Среди них находятся те самые очаги, из которых рвется наружу жажда насилия. Все равно что поджоги. «Раз, два, три...» Надо пройти по лабиринту вспять, углубиться в городскую чашу, чтобы обнаружить очаг возгорания. «Четыре, пять, шесть...» Понять, почему он убивает на парковках. В этих подземельях. Первобытных пещерах, где он справляет свой обряд. Совершает жертвоприношение...

– Проводите опрос в округе? – спросил Тэн.

– А как же. Мои ребята уже на месте. Опрашивают охранников. Окрестных жителей. Но вряд ли это что-то даст. Все-таки промышленная зона. По ночам там пусто. В любом случае, на мой взгляд, убийца действовал обдуманно. Он явно все рассчитал, прежде чем нанести удар.

– Есть что-нибудь по первой жертве? Я до сих пор не получил отчет судмедэксперта.

– Как и я. Утром я с ним говорил. Сегодня, думаю, все получим, включая токсикологию и анатомопатологию. Но вряд ли узнаем что-то новое. Уже известно, что убийца перерезал девчонке горло, выпустил кровь и сожрал некоторые части тела. Вскрытие мало что к этому добавит.

– А подозреваемые? Родные? Сотрудники? Опрос соседей?

– Ни черта. У девчонки был жених. Его мы допросили. Безобидный. Еще она игралась с интернетом. Как все.

– Сайты знакомств?

– Вроде того. «Фейсбук». Чаты. Мы проверяем. И в другом направлении уже покопались.

– В каком другом?

– Я о людоедстве. Не поверите, сколько сайтов посвящено этой теме. Все англоязычные. Бредовые форумы, чаты, объявления желающих участвовать в расчленении, рецепты блюд из человечины. И даже кандидаты на роль угощения для людоедов-любителей! Рехнуться можно. Тысячи людей хотят, чтобы их сожрали.

Таковы были точные слова, которые произнес на суде «ротенбургский людоед» Армин Майвес. Человек, мечтавший сожрать себе подобного, в 2001 году через интернет нашел добровольца – Бернда Юргена Брандеса.

В ночь с 9 на 10 марта 2001 года Майвес перед камерой отрезал ему пенис. Они съели его вместе, затем Майвес зарезал, расчленил и съел Брандеса, вслух комментируя все свои действия.

– И что? – продолжал Тэн.

– Ничего. По мне, так это сплошной блеф. И трудно выследить тех, кто пишет подобную чушь. Так или иначе, там нет ни следа убитой, Марион Кантело. С этими придурками она дела не имела. Я считаю, она просто оказалась в неподходящее время в неподходящем месте. Как оно всегда и бывает.

– А мне кажется, он давно ее выслеживал.

– Верно. Но сперва она, себе на горе, попалась ему на глаза.

– А отпечатки пальцев? ДНК? Помнится, там повсюду его пальчики. Слюна...

– И его дерьмо.

– О'кей. Так что?

– Да ничего. В базе данных его отпечатков нет. Результаты анализов на ДНК еще не готовы. Но похоже, и здесь нам ничего не обломится. Раз он не принимает мер предосторожности, значит, нигде не засветился.

Судья, понизив голос, спросил:

– Родным новой жертвы уже сообщили?

Райшенбах показал на своего напарника за рулем автомобиля:

– Этим займется Леру. Я смотрю, он нынче в ударе.

Леру что-то проворчал и ткнул пальцем в дисплей навигатора.

– Ладно, – буркнул он. – Приехали.

10

Лаборатории находились в отдельно расположенной промышленной зоне. Мощные корпуса из стекла и бетона, сборные конструкции, хозблоки из стекловолокна. При каждом здании – несколько гектаров заросшей травой, раскисшей, усеянной лужами земли. Вокруг ни души.

Подъезжая к длинному трехэтажному строению со стандартными окнами, Леру притормозил. Вывеска гласила: «Лаборатории Павуа». Здание окружали полицейские фургоны, служебные машины, кареты скорой помощи. Жанну охватила дрожь. То и дело вспыхивали синие мигалки, отражаясь от низких дождевых туч, дробясь в стеклах фасада и стекая по ним брызгами блестящей краски. В мутных струях суетились люди в глянцевах дождевиках. Весь этот адский круг был очерчен желтыми лентами полицейского ограждения.

Они вышли из машины в сотне метров от корпуса. Горячий воздух казался липким. Упрямые порывы ветра то и дело осыпали их брызгами. Асфальтированная подъездная аллея утопала в грязи. Жанна на своих каблуках едва не упала и оперлась на руку Тэна. Согнувшись, они добрались до двери. Чтобы их пустили за ограждение, Леру высоко поднял руку с удостоверением. Жанна была сбита с толку. Вся эта сырость, грязь, заводская обстановка... Совсем не таким представляла она идеально стерильное место, где проводят амниоцентез.

Навстречу им вышел капитан территориальной жандармской бригады. Заместитель прокурора уже уехал. Тело не увозили до приезда Тэна. Полицейский в двух словах рассказал о жертве, ничего не добавив к тому, что они узнали от Райшенбаха.

– Нам направо, – предупредил он, махнув рукой. – Вход на парковку в задней части здания. Но имейте в виду, зрелище... еще то.

Словно из-под земли выросли полицейские. Послышались хлопки зонтов. По аллеям из бирючины они обогнули здание, оскальзываясь и увязая в грязи. В этой процессии было даже что-то смешное, а Жанна на своих шпильках от «Джимми Чу», в промокшем насквозь пиджаке и перепачканных белых джинсах вообще походила на пугало.

– Нам сюда. – Капитан указывал на бетонный скат, терявшийся во тьме. – Рольставни подняты. А иначе надо заходить в корпус и спускаться на лифте. Понадобятся пропуска, коды. Это не лаборатория, а бункер какой-то.

Жанна с Тэном переглянулись. Как же сюда проник убийца? Дождевая вода мутными волнами с журчаньем стекала в туннель. Воздух до того пропитался влагой, что они буквально дышали паром. Жанне казалось, что она попала в перегретую пещеру. Древнее и тайное место, порождающее городские легенды.

Парковка с низким потолком была разделена на части колоннами. Ни одной машины, кроме окруженного желтой лентой крохотного «смарта». Очевидно, он принадлежал жертве. Полицейские в дождевиках прочесывали помещение, подметая пол пучками света от карманных фонариков.

– Нам еще ниже, – сказал капитан. – На второй уровень. Приходил кто-то из мэрии, объяснял нам, зачем нужно это подземелье, только я ничего не понял. Под парковкой находится система стоков, построенная еще в шестидесятых, туда попадает вода со всей промышленной зоны. Может, наденете маски? Там такая вонища!

От масок они отказались. Еще один спуск. А вот и первые сотрудники научно-технического отдела в белых комбинезонах с надписью «Криминалистическая служба». Освещая пол прожекторами, криминалисты фотографировали место преступления, собирали фрагменты в специальные пакеты.

Они подошли к бетонному люку, который охраняли двое полицейских. Похоже, сюда созвали легавых со всего Иль-де-Франс. У их ног собирались отбросы, обрывки бумаги, жевательная резинка, принесенные сюда водой, натекшей из-под двери.

Крышку люка открыли. Перешагнув через мусор, они начали спускаться по бетонной лестнице. Жанна снова оперлась на плечо Тэна. К потолку крепились штормовая лампа. И все равно темнота была такой густой, что казалась осязаемой. Непроходимой.

– До дна здесь спускаться метров пятнадцать. Наверное, он тащил ее на спине...

Снизу доносились тошнотворные запахи канализации с примесью машинного масла и бензина. Но все испарения перебивала какая-то стойкая, острая вонь. Запах паленой свиньи.

– Чем это так разит? – спросила Жанна.

Капитан бросил на нее недоверчивый взгляд. С самого начала у него на языке вертелся один вопрос. Если на дело приехали два следственных судьи, кто из них лишний?..

– Это все убийца, – сказал он, обращаясь к Франсуа Тэну. – Какие-то куски он поджарил. А кроме того...

– Что «кроме того»?

– Нашлись необычные куски. Криминалисты не исключают, что это сало.

– Что вы называете салом?

– Животный жир. Он вроде бы хорошо горит. К тому же долго. Убийца использовал его для освещения. Криминалисты все растолкуют. Вам сюда.

Еще одна дверь. Несколько ступенек. Здесь Жанну ждало потрясение. Помещение в двести-триста квадратных метров, без окон, со сводчатым потолком. Почерневшие от сырости бетонные стены. Пол, блестящий от сточных вод. Настоящая пещера новой эры. Эры бетона и бензина. Когда-то был железный век. Затем бронзовый. И вот пришел нефтяной.

В лужах отражался свет прожекторов криминалистической службы. Вокруг суетились эксперты в масках. Не прекращая работу, один за другим они оглядывались на вновь прибывших.

И снова Жанну поразило двойственное впечатление, какое на нее всегда производило место преступления. Все вокруг пропиталось насилием. Но еще сильнее – покоем, облегчением. Тем, которое испытал убийца. Эта кровь, этот труп. Ошметки плоти стали ценой его умиротворения. Здесь убийца насытился. Успокоился. Расслабился...

– Можно увидеть тело? – спросил Тэн.

Капитан сунул фонарик под мышку и натянул одноразовые перчатки. Осторожно откинул брезент, покрывавший жертву. Внезапно свет фонарика выхватил труп из темноты. Жанна отшатнулась. Ноги подкосились. Чтобы взять себя в руки, ей пришлось вспомнить о своем статусе судьи. О годах учебы. О своем непоколебимом призвании. *Думать как судья, и только как судья.*

Тело расчленили не меньше чем на пять кусков.

Туловище с распоротым животом, из плеч и таза торчат беловатые кости. Руки и ноги оторваны. Голова женщины, вернее, того, что осталось от женщины, закинута назад и не видна. Волосы плавают в луже.

Несмотря на черный ужас, в который все больше погружалась Жанна, некоторые детали поразили ее. Белизна кожи. Полнота тела. Плечи, бедра округлые, словно отполированные скалы. Жанне вспомнились скульптуры Жана Арпа. Белые мягкие формы без рук и ног, которые хочется погладить, так чисты их линии...

Жанна разглядела разбросанные в потемках руки и ноги. Полуобглоданные. Местами подгоревшие. В глубине, вдоль стены, в грязной воде мокли серые слипшиеся внутренности.

Только теперь Жанна заметила, что все молчат. Они потрясены не меньше ее: Тэн, Райшенбах, Леру, секретарша... Она подошла поближе, увидев, что капитан нерешительно направил пучок света на жуткую сцену. В глаза ей бросилась разверстая рана на горле. От уха до уха.

– Вы не осветите лицо?

Но капитан не шевельнулся. Жанна взяла у него фонарик. Мышцы и кости лица превращены в месиво. Сплошной багровый синяк, словно красное родимое пятно. Убийца наносил

жертве удары камнем или дубинкой. Много раз. Разлившаяся кровь свернулась под кожей. А значит, во время избиения женщина была еще жива. Жанна заметила сгустки крови у нее в волосах – убийца раскроил ей череп. Кусочки мозга запутались в распущенных прядях.

Жанна осветила живот. Он был рассечен от грудины до таза. На боках – раны, царапины, глубокие разрезы, а может, и надписи. Одной груди не хватало. Вторая едва держалась. Жанна поняла, что убийца погружал лицо в эти раны и вгрызался в мышцы. От каждого укуса кожа по краям повисала лохмотьями. Обнажив мясо, убийца запускал внутрь зубы. *Он не любит кожу. Ему хочется соприкоснуться с мягкой, еще теплой плотью, ощутить сеть мускулов, жесткость костей...*

Она переместила луч фонарика еще ниже. Гениталии. Она ожидала, что эта область будет изуродована страшнее всего. И оказалась права. Убийца вырвал лобок. Зубами. Или руками. Отодвинув кожу, он вгрызался в органы, втягивал кровь, заплевав все вокруг багровыми сгустками. Жанна не патологоанатом, но ей показалось, что он сожрал все половые органы. Губы, клитор, трубы, матку... Он проглотил все. Вобрал в себя, в свое чрево эти драгоценные символы женственности.

Ее поразила одна мысль. А вдруг убийца – женщина? Чудовище, мечтающее присвоить детородную силу своей жертвы. Как папуасы, пожирающие сердце или мозг врага, чтобы завладеть его лучшими качествами. Вспомнились слова, что ей твердили в церкви во время первого причастия: «Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь пребывает во Мне, и Я в нем»¹¹.

Жанна увидела в луже свое мертвенно-бледное лицо. «Черт. Я того и гляди грохнусь в обморок». Чтобы взять себя в руки, она отдала фонарик капитану и обернулась к Тэну:

– А первая была в таком же состоянии?

Судья не ответил.

– Так ты видел тело?

– Только на фотографиях. Когда я туда приехал, его уже увезли.

– Но там все было так же?

Он только кивнул. Послышался чей-то голос. К ним, что-то бормоча в диктофон, приближался пузатый коротышка, обтянутый синим джемпером от «Ральфа Лорена». Лет шестидесяти, кожа бронзовая, волосы с проседью посередине разделены пробором. Нос с горбинкой. Водянистые голубые глазки. В живом, смешливом взгляде сквозило что-то агрессивное и отталкивающее, словно эти прозрачные глаза были неуместны на его загорелом лице.

– Ланглебер, – пробормотал Тэн. – Медэксперт. Пусть только начнет корчить из себя умника, я ему покажу.

Тэн представил их друг другу. Все обменялись дежурными рукопожатиями.

– Кажется, я знаю, как он это делает, – произнес медэксперт, засовывая диктофон в задний карман джинсов.

– Мы слушаем.

Он задрал голову, указывая на арматуру, поддерживающую неоновые светильники.

– Подвешивает девушку вниз головой. Разбивает ей лицо и перерезает горло. Точно так же, как забивают свиней на фермах. Он пользуется острым ножом. Края раны ровные. Режет слева направо. На это ясно указывает конец раны. Наш ублюдок – правша. И, скажу я вам, рука у него твердая. Я уже зафиксировал разрезы, идущие через трахею и пищевод до внутренней части позвоночника.

В детстве Жанна два месяца летних каникул проводила в Перше. И не раз присутствовала при таких варварских расправах. Настоящий ритуал. *Забивали свинью...*

– Крови не так уж много, – заметила она.

¹¹ Ин 6:56.

Медэксперт уставился на нее своими глазами цвета синьки. Он оценил точность наблюдения.

– Верно. Полагаю, он ее собирает. В тазик или еще какую-то емкость.

– Зачем она ему?

Ланглебер смерил следственных судей взглядом. «Двое по цене одного». Похоже, эта мысль показалась ему забавной.

– Учитывая то, что мы здесь видим, он, скорее всего, выпивает ее на месте. Еще теплую.

– Почему тебе знать?

– Насчет способа я уверен. У жертвы на щиколотках следы веревок. Поглядите над светильниками, наверняка там найдутся отметины. У первой жертвы были сломаны обе щиколотки. Здесь, по-моему, та же картина. Все будет в моем отчете.

– Раз уж заговорили об отчете, – встрял Райшенбах, – мы до сих пор не получили первый.

– Скоро получите. Это не к спеху.

– Не представляю, что тогда к спеху.

– Нельзя ли уточнить, – заговорила Жанна. – Женщина еще жива, когда он ее подвешивает?

– Ну конечно. Чтобы брызнула кровь, сердце должно работать.

Тэн молча помотал головой. Похоже, он был в замешательстве. Ему хотелось и довести расследование до конца, и поскорее смотаться отсюда. Забиться с головой под одеяло и все забыть.

– Затем, – невозмутимо продолжал Ланглебер, – он вспарывает ей живот. Пригоршнями вырывает внутренности из тела. Типа потроха в меню, и...

– Мы всё поняли.

– Чем он вспарывает живот? – спросила Жанна. – Каким именно орудием?

– Чем-то очень простым. Я жду результатов анатомо-патологической экспертизы первой жертвы. Думаю, там будут частицы металла или камня. Все это сильно отдаст пещерным веком.

– А что он делает потом?

– Дает телу упасть. Убирает веревки и крючки. Приступает к пиршеству. Видели область лобка? Думаю, прежде всего он пожирает эти части.

– Почему «прежде всего»? – спросил Тэн.

– Чутье подсказывает. Во всяком случае, их он сжирает сырым. Без промедления. А другие поджаривает. Женская матка влечет его неодолимо.

Довод, подкрепивший предположение Жанны. *А вдруг убийца – женщина?*

– Затем он вырывает ей руки и ноги. Кстати, сил вашему клиенту не занимать. По-моему, он перебивает суставы и выкручивает ногу или руку, пока не оторвет.

Нет, не женщина...

– Потом он разжигает костер и поджаривает отобранные куски. Руки, ноги, кое-какие органы. Тут я не успел все проверить, но у первой жертвы он съел печень, почки и, конечно, сердце. Главное – сердце.

Тэн провел по лицу рукой. Он все еще держал свой портфель. Рядом с ним застыла его секретарша. Точь-в-точь соляной столб. Власть, которую воплощала собой эта пара, вдруг стала бессмысленной и нелепой.

– Он точно людоед? – заговорил судья. – Я хочу сказать, а не мог он унести... эти куски с какой-то другой целью?

– Нет. Я уже изучил объедки, оставшиеся после первого убийства. На костях видны бороздки. Следы разрезов. Некоторые кости разбиты, чтобы легче было извлечь костный мозг. Точно так же поступали наши доисторические предки. В верхней части черепа имеется особая рана. Убийца разбивает черепную коробку, чтобы высосать мозг. Я не специалист, но предполагаю, что это тоже в обычаях кроманьонцев.

Жанна заговорила. Цепляясь за собственные вопросы, она надеялась не поддаться панике.

– А что насчет сала?

– Жир он использует для освещения.

– Нам говорили о «животном жире». Что это за животное?

– Кто вам говорил?

Капитан территориальной бригады вышел вперед:

– Так мне сказали криминалисты.

– И попали пальцем в небо. Судя по анализам с первого места преступления, это человеческий жир. Убийца использует подручные средства. Отрезает куски в области паха или живота. Такие светильники долго не сгорают.

– Раз он уже разжег костер для своего... пиршества, – произнесла Жанна, – зачем ему светильники?

– Чтобы сделать надписи.

Ланглебер навел прожектор на одну из стен. Она была покрыта иероглифами. Вертикальными штрихами, которые усложнялись с каждой строчкой. Ряды деревьев, у которых рисунок ветвей никогда не повторялся. В них можно было увидеть и стилизованных человечков. Или буквы примитивного алфавита.

Жанна отошла подальше, и ей в голову пришло еще одно сравнение, связанное с родом деятельности самой лаборатории Павуа. Эти изогнутые штрихи могли изображать и пары хромосом, какими они выглядят в кариограммах.

– Криминалисты вам расскажут об этих надписях, – пояснил Ланглебер. – Насколько мне известно, они сделаны с помощью кошмарной смеси. Крови, слюны, экскрементов. И охры. Словом, только натуральные компоненты.

Охра: Тэн уже упоминал о ней в ресторане. Жанна попросила пояснений насчет этого пигмента.

Ланглебер лишь отмахнулся – «ждем результаты анализов». И в заключение добавил:

– Пока нам не понять, что все это значит. Но я бы сказал, что так оно и задумано. Как говорит Рене Жирар, «это фармакон».

– Вот только твоей зауми нам не хватало, – раздраженно заметил Тэн.

Эксперт улыбнулся. Его широкое мощное лицо со светлыми глазами источало необычайную силу.

– «Жертвенная процедура предполагает определенное непонимание. Верующие не осознают и не должны осознавать роль насилия»¹².

Тэн открыл было рот, чтобы возмутиться, но Жанна сжала ему руку. Ланглебер уже уходил, засунув руки в карманы. В своем джемпере, выцветших джинсах и мокасинах он словно собирался вернуться к себе на яхту.

– Пока, ребяташки. Отчет по первой жертве получите сегодня. Со вторым постараюсь поторопиться.

Кивнув, Ланглебер направился к лестнице. Тэн выругался:

– Вот придурок...

– Рене Жирар – антрополог, – пояснила Жанна. – Он написал очень известную книгу – «Насилие и священное».

– Да ну? – усмехнулся Тэн.

Он повысил голос и указал на тело, обращаясь ко всем присутствующим:

– Ну что, на вынос?

Несколько человек взяли за дело. Жанна продолжала:

¹² Перевод с французского Г. Дашевского.

– В ней говорится о том, как первобытные сообщества контролировали уровень насилия в племени с помощью жертвоприношений. Что-то вроде клапана, который давал выход агрессии и снимал напряжение. Такое кровопускание успокаивало умы.

– А что за штука фарма... как его там?

Тело засунули в пластиковый чехол.

– Фармакон по-гречески означает вещество, которое представляет собой и яд, и противоядие. По мнению Жирара, насилие у древних народов выполняло именно эту роль. Лечить насилие насилием. Как знать? Возможно, убийца стремится спасти наше общество от хаоса.

– Полный бред. Какой-то псих считает себя людоедом, а у нас ни единой зацепки. Мы в дерьме.

– Привет. Давайте я вам кое-что покажу.

Вошедший был одет в белый комбинезон. С бумажным шуршанием он откинул капюшон. Али Мессауд, глава криминалистического отдела. Все его знали и просто кивнули в знак приветствия.

Мессауд подвел их к тому месту, где липкими лентами было отмечено положение тела.

– Вот смотрите.

Очерченный лентами силуэт окружали черные следы. Жанна их уже заметила, но приняла за брызги крови. Вблизи было видно, что это фрагменты отпечатков. Изогнутые, усеченные, неясные очертания.

– Следы ног, – подтвердил Мессауд. – Точнее, голых ног. По-моему, этот чокнутый раздевается догола и топчется вокруг жертвы.

Об этом она уже слышала от Тэна. Жанна вообразила голого мужчину, склонившегося над своей жертвой, прежде чем сожрать ее. Хищник.

– Здесь не только следы ног. Есть и отпечатки ладоней. Убийца передвигается на четвереньках. Сдохнуть можно.

– Отпечатки довольно узкие, – заметила Жанна. – Они могут принадлежать женщине?

– Нет, не думаю. Анализ ДНК внесет ясность. Пальцы подогнуты. Он опирается на землю кулаками. Я еще кое-что заметил. Если сравнить ось, по которой располагаются ладони, с направлением стоп, видно, что он перемещается, выворачивая ладони внутрь.

– У него есть физический недостаток? – спросил Тэн.

– Может, и так. Или он подражает некоторым обезьянам. Пока рано судить.

Жанна развивала свою мысль:

– А ты можешь по следам рук и ног предположить, как он сложен?

– Более-менее. У него сороковой размер обуви, руки маленькие. Учитывая, что он сотворил с телом, убийца должен быть здоровяком. Тем не менее, судя по глубине следов, весит он не так уж много.

Тэн указал на жуткие знаки на стенах.

– А это? – спросил он у Райшенбаха. – Ты отдал их экспертам?

– И не одному, – откликнулся Мессауд. – Антропологу. Археологу. Криминологу. Но ответа пока нет.

Постукивая по циферблату наручных часов, к ним подошел капитан территориальной бригады и снова воззвал к Тэну:

– Может, поднимемся наверх, господин судья? Директор лаборатории ждет нас у себя в кабинете.

11

– Дамы и господа, чем я могу быть вам полезен?

Жанна и Тэн переглянулись. В сложившихся обстоятельствах вопрос прозвучал неуместно. Бернар Павуа выглядел настоящим великаном, неподвижным, как мраморная статуя. Он сидел за письменным столом и, насколько можно судить в таком положении, ростом был под метр девяносто, а весом – килограммов сто двадцать. Широкие плечи загораживали чуть ли не весь оконный проем. Сильно за пятьдесят, лицо квадратное, густые волнистые волосы, некогда светлые, а теперь поседевшие, очки в роговой оправе. Он мог показаться спокойным, если бы не золотистые глаза за стеклами очков, напоминавшие льдинки в бокале виски. Физиономия человека on the rocks¹³.

– Что же, жду ваших вопросов.

Судьи, полицейский и секретарша устроились по другую сторону массивного письменного стола.

Тэн, закинув ногу на ногу, ответил ему в тон:

– Расскажите нам о жертве.

Павуа рассыпался в дежурных фразах. «Образцовая сотрудница. Прелестная женщина. Никто не мог желать ей зла». И т. д. Невозможно угадать, верил ли он сам хоть единому слову из этих стандартных славословий. Жанна особенно не прислушивалась. Она старалась совладать со своими чувствами, все еще ослепленная ярким светом лаборатории.

После темной парковки они миновали залы ослепительной белизны. Стерильные помещения. Герметичные отсеки. Офисы, разделенные стеклянными перегородками. По дороге им встретились десятки людей в белых халатах. Настоящий промышленный улей. «Двадцать тысяч амниоцентезов в год», – пояснила сопровождавшая их заместительница директора.

Но больше всего Жанну потрясла специализация лаборатории. В пробирках, центрифугах, стерильных вытяжных шкафах – повсюду околплодная жидкость. Воды плодородия. Рождения. Невинности... После увиденного ими в подземелье они словно угодили из ада прямо в рай. Перешли от смерти к жизни.

– Двое судей на одном деле, – заметил Павуа, – такое не часто увидишь. Нововведение Саркози?

– Жанна Крулевска здесь в качестве консультанта, – не растерялся Тэн.

– В какой области?

Жанна вмешалась, пропустив вопрос мимо ушей:

– А кем, собственно, работала Нелли Баржак? Лаборанткой?

Павуа приподнял брови. У него был двойной подбородок, настоящий пеликаний зоб, придававший ему еще более невозмутимый вид.

– Отнюдь. Она была блестящим цитогенетиком. Необычайно одаренным.

– Она определяла кариотипы?

– Не только. По вечерам трудилась над программой, связанной с молекулярной генетикой.

– А в чем тут разница?

– Цитогенетики занимаются клетками. Молекулярные генетики работают на более микроскопическом уровне. На уровне ДНК.

Заметив недоумение собеседников, директор вздохнул и снизошел до объяснений:

¹³ На мели, в беде (*англ.*). Другое значение этого выражения – со льдом.

– В каждой клетке есть хромосомы. Эти хромосомы представляют собой нити, нечто вроде спиралевидных пружин, в свою очередь состоящих из генов. Как раз их и изучает молекулярная генетика. Это неизмеримо более глубокое погружение в микромир.

– У вас есть оборудование для подобных исследований?

– Да, на третьем этаже. Но это не наша специальность. Наш насущный хлеб – кариотипы. Ищем отклонения в хромосомных парах.

– Вы упомянули какую-то программу, – продолжила Жанна. – А над чем именно работала Нелли? Я имею в виду, по вечерам?

– Она заканчивала докторскую диссертацию о генетическом наследии народов Латинской Америки. Отовсюду получала образцы крови. Классифицировала их. Сравнивала. Вообще-то я и сам толком не знаю, чем она занималась. Она не слишком распространялась об этом. С нашей стороны это было проявлением лояльности: она использовала наше оборудование для собственных исследований.

Павуа склонился над столом, словно статуя Будды, пошатнувшаяся на пьедестале:

– Но к чему все эти вопросы? Какое отношение они имеют к случившемуся?

– Мы не исключаем наличие связи между ее исследованиями и мотивом преступления, – заявил Тэн.

– Вы шутите?

Видимо, надеясь на сотрудничество директора, судья пояснил:

– Мы уже расследуем подобное убийство. Жертва – медсестра, работавшая в центре для детей с нарушениями развития. Не исключено, что отклонения, которые лечат в этом учреждении, как-то связаны с деятельностью вашей лаборатории.

– О каких отклонениях идет речь? Чем страдают эти дети?

Тэн, которого вопрос застал врасплох, оглянулся на Райшенбаха.

– Понятия не имею, – признался он. – По крайней мере, пока. Лучше объясните нам, какие именно отклонения вы распознаете по кариотипам?

– Главным образом трисомию двадцать один. Мы так ее называем, потому что это нарушение касается двадцать первой пары хромосом. Мы распознаем и другие отклонения, такие как трисомия тринадцать, вызывающая задержку психомоторного развития и физические недостатки. А также то, что называют делецией, потерей участка хромосомы. Эта патология имеет тяжкие последствия для развития ребенка.

– Такие аномалии – редкость?

– Зависит от того, что вы понимаете под словом «редкость». Для нас это обычное дело. Или почти обычное.

– Они могут привести к особым видам безумия?

– Не понимаю вопроса.

– Вы упомянули трисомию. Может анализ кариотипа выявить такие болезни, как, например, шизофрения?

– Ниоим образом. Даже если предположить, что подобные патологии имеют генетическое происхождение, понадобилось бы выявить их специфический ген и изучить ДНК. Наши исследования не настолько специализированные. К чему вы клоните? Боюсь даже предположить. Вы думаете, что убийцей может оказаться сумасшедший, чья генетическая аномалия когда-то была выявлена у нас?

– Существует и другая возможность: родители, затаившие на вас злобу.

– За что?

– За ненормальный результат. За ребенка, родившегося с каким-то изъяном.

– Что за нелепость? – возмутился Павуа.

– Если бы вы знали, с какими мотивами нам приходится сталкиваться.

– Я хочу сказать, что это действительно нелепость. Даже если предположить, что кардиограмма покажет аномалию, нет никакой причины винить в этом нас. А главное, подобные исследования как раз и нужны, чтобы избежать появления на свет ненормального ребенка. Амниоцентез проводится заблаговременно, чтобы беременность можно было прервать.

– А если вы совершили ошибку? Если вы не разглядели патологию и ребенок родился ненормальным?

Павуа выглядел удрученным. Впрочем, на его губах все еще блуждала неопределенная улыбка.

– Нет, – ответил он просто. – Нам можно доверять на все сто процентов.

– И ни разу не путали пробирки? Не было ни единого сбоя в компьютерах?

– Вы плохо представляете себе, в каких условиях мы работаем. Мы соблюдаем строжайшие меры безопасности. За нами постоянно наблюдают правительственные эксперты. Я никогда не слышал о каких-либо ошибках в нашей профессии. Ни у нас, да и нигде в мире.

Бернар Павуа произнес свою речь совершенно бесстрастно. Никто и ничто не способно выбить его из колеи. Настоящая глыба льда.

По-видимому, Тэн был удивлен не меньше Жанны:

– Похоже, вы не так уж потрясены гибелью Нелли Баржак. Вас даже не поразили невероятные обстоятельства ее смерти.

– Я предпочитаю принимать мир таким, какой он есть. Я не мог бы изо дня в день читать газеты, убеждаясь в том, что наше общество захлебывается в насилии, и при этом отвергать возможность того, что однажды оно постучится и в мою дверь.

Судья с досадой развел руками:

– Но где же ваше сострадание? Вас даже не шокирует то, как погибла Нелли? Такая молодая? А пытки, которым ее подвергли, причиненные ей увечья?

– Погибло лишь это воплощение Нелли. Ее душа продолжает странствие.

– Вы... Вы верите в реинкарнацию? – изумилась Жанна.

– Я буддист. Верю в череду перерождений и единство души. Что до моих чувств, лучше сказать вам прямо сейчас: Нелли была моей любовницей. Наша связь длилась около года. Но то, что я сейчас испытываю, касается только меня одного. Не в обиду вам будь сказано.

Повисло молчание. Жанна, Тэн, Райшенбах и секретарша невольно поежились. Не каждый день встретишь такого свидетеля.

– Если хотите знать, – продолжал ученый с той же заносчивостью, – алиби у меня нет. Я ждал Нелли у себя дома. Один. Она предупредила, что собирается работать допоздна.

– У нее была назначена встреча?

– Ничего такого она мне не говорила.

– Вас не встревожило ее отсутствие?

– Ей случалось работать до утра. Я для нее значил меньше, чем ее исследования. И это одна из причин, почему я любил ее и восхищался ею.

Несколько секунд Жанна всматривалась в него. Она поняла, каков он на самом деле. Его внешнее спокойствие свидетельствовало о необычайной внутренней силе. Смерть Нелли вовсе не была ему безразлична. Напротив. Память о ней запечатлелась в его сердце. Будто эпитафия, вырезанная в мраморе. *Обращенная внутрь.*

Тэн распрямился как пружина:

– Благодарю вас, доктор. На днях я попрошу вас заехать в Нантерский суд.

– Вы хотите снова меня допросить?

– Нет. Вы просто подпишете свои показания. Тем временем присутствующий здесь капитан Райшенбах проверит кое-какие детали.

– Такие, как отсутствие алиби?

– К примеру.

– У меня последний вопрос, – произнесла Жанна, поднявшись.

Секретарша взглядом спросила Тэна, надо ли ей продолжать записывать. Она уже встала и убрала блокнот. Судья знаком дал ей понять, что не надо.

– А кариотипы определяют и в других случаях? Например, у взрослых?

– Да, по анализу крови. – Павуа все не вставал из-за стола. – У взрослых мы ищем признаки бесплодия.

– Неужели о бесплодии можно узнать по кариотипу?

– Да. Репродуктивные расстройства могут объясняться дефектами хромосом. Кроме того, некоторые нарушения развития у детей также бывают обусловлены генетически. Например, трудности обучения. Кариограмма позволяет нам судить о том, какой именно патологией страдает ребенок.

Жанна обдумала свою первоначальную версию. Бесплодная женщина, чей кариотип был исследован в лаборатории Павуа. Душевнобольная, которая стремилась отомстить самому этому месту и в то же время, сожрав Нелли Баржак, присвоить себе ее плодовитость... Но как в эту теорию вписывается первая жертва, медсестра? Да и невероятная сила убийцы?

Поднявшись, Павуа оправдал их ожидания: здоровый как бык, ростом под два метра. Одет в бесформенную футболку цвета травы с надписью «NO LOGO»¹⁴ и бежевые полотняные брюки. Расплывшаяся, некогда спортивная фигура напоминала огромную грушу.

– Я, конечно, не эксперт, – усмехнулся он, – но разве тут орудует не серийный убийца? По телевизору такое показывают изо дня в день. Почему бы этому не случиться в действительности?

Никто не откликнулся. Правды не скроешь: они в тупике. А этот насмешливый великан действует им на нервы. Он открыл дверь. Его ухмылка словно повисла в воздухе. Они молча прошли мимо него. Павуа помахал им на прощание и вернулся в кабинет.

В лифте Франсуа Тэн сказал Жанне:

– Вот придурок! Как по-твоему?

– Проверь, не крали ли околоплодную жидкость.

– Откуда?

– Из лаборатории.

– А кто?

– Убийца.

– Ему-то она зачем?

Жанна пропустила вопрос мимо ушей:

– Прочеси квартал. Свяжись с ночными патрулями. Убийца ушел на рассвете. Не на летающей же тарелке он улетел. Может, его останавливали.

– Таких чудес не бывает.

– Чего только не бывало!

Двери открылись. Тэн, стоявший спиной к выходу, попятился. Похоже, напряжение, охватившее его на месте преступления и во время допроса, наконец отпустило.

– О'кей, – заключил он, хлопнув в ладоши. – Я все это проверю, получу отчеты о вскрытии и позволю тебе. Может, поужинаем вместе по такому случаю?

Жанна поморщилась. Подтвердилось подозрение, терзавшее ее с тех пор, как они покинули здание суда. Франсуа Тэн рассчитывал подкатиться к ней под предлогом расследования этих кровавых убийств.

Неужели она настолько чокнутая, что ее можно соблазнить трупом?

¹⁴ «Без логотипа» (англ.).

12

20.30.

Жанна заехала в суд, но опросы свидетелей отменила. На это у нее не осталось сил. Переделала кое-какие текущие дела. Подписала повестку на имя Мишеля Дюнана, похотливого мерзавца, отравившего свинцом целое здание. Бегло просмотрела другие досье. Но вплотную заняться Восточным Тимором так и не решилась. Завтра. Так она протянула время до сеанса у психоаналитика. Только это и могло ей помочь...

И вот она дома. За окном темнело, разбухшее от дождя небо, казалось, ждало лишь ночи, чтобы развернуться вновь. Она стояла на кухне, не двигаясь, не снимая отсыревший пиджак, и разглядывала китайскую еду, купленную неизвестно зачем. Есть совсем не хотелось.

Никак не выкинуть из головы погибшую женщину. Изуродованную. Расчлененную. Обглоданную. Ее прозрачные глаза на заплывшем кровью лице. Раскиданные руки и ноги. Внутренности. А еще – рисунки на стенах, темные, словно машинная смазка... Вспоминались лаборатории – слишком белые, слишком стерильные. Застывшее лицо Бернара Павуа. Его очки, как у Элвиса Костелло. *Погибло лишь это воплощение Нелли. Ее душа продолжает странствие.*

Вдруг желудок скрутило от боли. Чувствуя, что ее вот-вот вырвет, Жанна бросилась к раковине. Но ничего не вышло. Она включила кран с холодной водой. Подставила лицо под прозрачную струйку. Пошатываясь, выпрямилась, схватила мешок для мусора и швырнула в него китайскую еду. Странное ощущение – как будто она поела. *Мусорка, желудок, не все ли равно.*

Она зашла в спальню за чистой одеждой. Жанна жила в безликой трехкомнатной квартире на улице Вьё-Коломбье. Белые стены. Темный паркет. Кухня с современным оборудованием. Одна из тех отремонтированных квартир, куда столица ссылает многотысячную армию своих холостяков.

С облегчением она встала под душ. Обжигающая струя смыла с кожи дождевую воду и пот. Жанна укуталась в пар, в шум воды, словно растворилась в ней. Она все время ступает по краю пропасти. А вдруг на нее вновь обрушится депрессия? Она нащупала флакон с шампунем. Одно это простое прикосновение успокоило ее. Как будто она промывала не только волосы, но и мысли.

Из-под душа Жанна вышла немного успокоившись. Вытерлась. Расчесала волосы. Увидела в зеркале свое отражение и на какое-то мгновение не поверила, что это жесткое, замкнутое лицо принадлежит ей. За день она постарела лет на десять. Черты заострились, скулы выступили еще сильнее. Глаза запали, в уголках залегли морщинки. Впервые она порадовалась, что Тома ей больше не звонит. Что никто ей больше не звонит. Сейчас она испугает кого угодно.

Она вернулась в гостиную. Послеполуденные ливни напитали воздух влагой. Словно сама ночь истекала потом. На низком столике лежал крафтовый конверт с ее именем. Запечатанный оригинал и копия с записями рабочего дня Антуана Феро.

Вот что поможет ей отвлечься.

Жанна быстро подготовилась к ритуалу. Кофе и стакан газировки (эту привычку она вывезла из Аргентины). Темнота. Ноут. Наушники. Она свернулась на подушках, словно кошка. Сунула диск в дисковод.

– Мне все время снится один и тот же сон, – произнесла женщина.

– Какой?

– Золотой ангел прилетает и спасает меня от гибели.

– Гибели?

– Я выбрасываюсь в окно.

– Самоубийство?

– Да, самоубийство.

– А в жизни вы уже предпринимали подобные попытки?

– Вы же знаете. Три года депрессии. Два месяца в больнице. На год у меня парализовало лицо. Так что да, я уже «предпринимала попытки», как вы выразились.

– Вы пытались выброситься в окно?

– Нет.

Психолог помолчал, как бы приглашая ее подумать.

– Вообще-то да, – призналась женщина.

– И когда?

– Понятия не имею. Это мой самый... забытый период.

– Постарайтесь припомнить обстоятельства. Где вы тогда жили?

– На бульваре Генриха Четвертого, в Четвертом округе.

– Рядом с площадью Бастилии?

– Да, на самой площади.

Антуан Феро больше не задает вопросов. Все происходит так, будто он обладает детектором лжи, который позволяет ему распознавать в потоке слов легкую дрожь, деталь, способную открыть душу пациента.

– Припоминаю, – шепчет женщина. – Я открываю окно. Вижу небо... В нем Дух... Дух Бастилии¹⁵. Он сверкает в пасмурном небе. В голове у меня все переворачивается. Пустота уже не манит меня. Меня пронзает мощь ангела. Его сила. Он удерживает меня внутри. Подталкивает к жизни. – Она зарыдала. – Я спасена... Спасена...

Кабинет доктора Феро – словно «Тысяча и одна ночь». Истории. Судьбы. Люди. Жанна невольно сравнила поведение психиатра со своим собственным, когда она раскалывает подозреваемых. Подход у нее прямо противоположный. Жанна допрашивает своих «пациентов», чтобы засадить их в тюрьму. Феро задает вопросы, чтобы их освободить. Но в сущности цель одна – подтолкнуть их к признанию...

Жанна снова прислушалась. Особенно к голосу Феро. Мягкий, обволакивающий, словно уютное, теплое и вместе с тем прохладное гнездышко, где так легко раскрыться. Что-то растительное, как листья, сомкнувшиеся вокруг цветка.

Она увеличила скорость воспроизведения. Остановилась на одном случае. Вздвигнутая, торопливая речь. Мужчина говорил. Умолкал. Заговаривал снова. Слова цеплялись друг за друга. Ассоциации. Аллитерации. Противопоставления. Немного напоминает старинную игру. *Вкусные пирожки... Рожки козла... Злая, как мегера... Гера ревнива...*

Пациент описывал свой сон и обстоятельства, при которых он его видел. Прежде чем лечь спать, он просматривал журнал «Правила игры». Название навело его на мысль о Жане Ренуаре, снявшем одноименный фильм. Но приснился ему другой фильм Ренуара, «Человек-зверь», в котором Жан Габен ведет паровоз. Страшные, незабываемые черно-белые кадры мчащегося на полной скорости поезда и трагическая маска управляющего им Габена. Во сне это видение ассоциировалось с заключительной сценой чеховской пьесы, пациент не помнил, какой именно, где герои обмениваются последними репликами, а вдали в это время слышен гудок паровоза. Увидев этот сон, он потом весь день не мог избавиться от неясной тревоги.

Теперь ему вспомнилась еще одна подробность. Когда он учился на филфаке, то написал для театрального семинара комментарий об этой чеховской пьесе. В заключении он отметил, что в психоанализе появление поезда во сне символизирует смерть. Сейчас он припомнил кое-что еще. Выполнив это задание, он впал в депрессию. Два года не посещал университет. Как

¹⁵ Дух Свободы – позолоченная крылатая статуя, венчающая Июльскую колонну на площади Бастилии, построенную в память об Июльской революции 1830 г., когда был свергнут Карл X.

будто несколько строчек, написанных им о русской пьесе, а главное, о прибытии поезда где-то за сценой, вызвали этот срыв и внушили ему мысль о смерти.

Сегодня, благодаря сну и кушетке, он осознавал и другое обстоятельство. Событие, которое он никогда не связывал с этой историей. В то время мать, воспитавшая его одна, снова вышла замуж. Той самой весной она переехала к мужу, оставив квартиру. Поезд – смерть – ворвался в чеховские диалоги и в тот комментарий. Как и в реальность. Он унес вдаль мать, тем самым убив его в собственном сознании.

Жанна слушала как зачарованная, уставившись в темноту широко раскрытыми глазами. Она утратила представление о времени – и даже о пространстве. Плыла в потемках, неотрывно следуя за мягким и спокойным голосом Феро, слившись с этими голосами, которые пронзали ее и завораживали.

Внезапно она очнулась. Взглянула на часы. Два ночи. Ей надо поспать. Чтобы завтра быть в форме. И так сегодня весь рабочий день пошел насмарку...

Она быстро прослушала вечерние сеансы. *Последний, на посошок*. Остановилась на шестичасовом пациенте.

– Вы не ложитесь? – спросил Феро.

– Нет.

– Тогда присядьте. Устраивайтесь поудобнее.

– Нет. Вы же знаете, дело не во мне.

Властный низкий голос с испанским акцентом звучал сухо.

– Есть новости?

Тон Феро изменился. Стал напряженным, нервным.

– Новости? Его припадки все сильнее и сильнее.

– Что он делает во время припадков?

– Не знаю. Он исчезает. Но это опасно, я уверен.

– Я должен его увидеть.

– Невозможно.

– Я не могу поставить диагноз, не поговорив с ним, – возразил Феро. – Не могу лечить его через посредника.

– Все равно из этого ничего не выйдет. Вы ничего не увидите. Ничего не почувствуете.

– Позвольте мне судить самому.

Эти слова Феро произнес с необычной для него властью. Он стал почти агрессивным. Но испанца, похоже, это не смутило.

– Недуг у него внутри, понимаете? Скрытый. Невидимый.

– Я здесь только и делаю, что охочусь за подавленными тайнами, о которых не подозревают даже их обладатели.

– У моего сына все иначе.

– В чем же разница?

– Я вам уже объяснял. Бояться следует не моего сына. А того, *другого*.

– Значит, он страдает раздвоением личности?

– Нет. У него внутри живет другой человек. Или, скорее, ребенок. Ребенок, у которого своя история, свое развитие и свои требования. Ребенок, который вырос внутри моего сына. Словно раковая опухоль.

– Вы говорите о том ребенке, которым был ваш собственный сын?

Упавшим голосом испанец произнес:

– Вы же знаете, что тогда меня с ним не было.

– Чего вы опасаетесь теперь?

– Что эта личность вырвется на свободу.

– В каком смысле вырвется?

– Не знаю. Но это опасно. *Madre de Dios!*¹⁶

– А о припадках вы что-то знаете наверняка?

Послышались шаги. Испанец пятился назад. Видимо, к двери.

– Мне пора. В следующий раз я расскажу вам подробнее.

– Вы уверены?

– Я сам должен все обдумать. Все это – часть целого.

Шум отодвигаемого стула: Феро встает.

– Какого целого?

– Это как мозаика, понимаете? Каждый кусочек привносит свою долю истины.

У испанца тоже был завораживающий голос. Он становился все теплее и теплее. Если тут вообще есть какой-то смысл, он казался *загорелым*. Обожженным годами жары и пыли. Жанна воображала высокого, седого, элегантного мужчину лет шестидесяти. Иссошенного светом и страхом.

– Я хочу встретиться с ним, – настаивал Феро.

– Это бесполезно. Он не станет говорить. Он ничего вам не скажет. Я имею в виду – тот, *другой*.

– Может, все-таки попытаемся?

Звук шагов. Феро догнал испанца у порога. Короткое молчание.

– Я подумаю. Я вам позвоню.

Они попрощались. Хлопнула дверь. И больше ничего. Видимо, Антуан Феро тут же вышел из кабинета. Жанна несколько раз подряд прослушала этот таинственный разговор, потом улеглась, не включая свет ни в спальне, ни в ванной.

Когда она чистила зубы, ей пришло в голову, что сегодняшний вечер не завершился постыдным. Она не мастурбировала. От этого она испытала смутную гордость. Вечер остался *чистым*.

Жанна вытянулась на простынях. Ночь задышалась в собственной духоте. Из глубин неба надвигалась гроза. Мимо окна проплывали облака, окаймленные лунным сиянием. Она повернулась на бок, щекой на подушку. Свежесть. Каждый вечер она сбрызгивала подушку эвкалиптовым маслом. Привычка родом из детства...

Она закрыла глаза. Антуан Феро. Его голос. Несколько часов назад на сеансе у своей психологини она не удержалась.

– Мне говорили об одном психиатре, – сказала она как бы невзначай. – Об Антуане Феро. Слышали о таком?

– Вы хотите сменить врача?

– Нет конечно. Вы с ним знакомы?

– Немного.

– А что вам о нем известно?

– Проводит консультации в одной клинике. Не помню точно в какой. Еще у него частная практика в Пятом округе. Прекрасная репутация.

– Какой он?

– Я его толком не знаю. Так, встречала на семинарах.

– Какой он... внешне?

У психологини вырвался смешок. Сеанс подходил к концу.

– Скорее симпатичный.

– *Симпатичный* насколько?

– *Симпатичный* выше среднего уровня. А почему вы спрашиваете?

¹⁶ Матерь Божья! (*исп.*)

Жанна что-то наплела о психологической экспертизе, о срочной встрече. И спаслась бегством, как мышь, унося эти драгоценные сведения. Симпатичный *насколько? Симпатичный выше среднего уровня...*

Жанну клонило в сон, но в голове все еще проносились мысли. Она посреди брода. Уже рассталась с берегом Тома – и это далось ей легче, чем она могла себе представить, – но пока не достигла другого берега. Берега голоса. Берега Фери.

А тем временем река дней утекала между ее босых ног...

Она засыпала. Дождь хлестал по окнам – наконец разразилась гроза. Жанна приняла решение. Решение смутное, безвольное, уже размытое сном, но она знала, что завтра утром оно вернется с новой силой.

Мне необходимо увидеть его лицо. Лицо голоса.

13

– Кажется, у меня кое-что есть, – сказал Крендель.

Жанна не поняла. Звонок мобильного вырвал ее из сна. Взглядом она поискала часы на прикроватном столике, залитом лужицей света. 9.15. Твою мать. Она проспала.

– Слушаю, – произнесла она, откашлявшись.

– Три перевода со счетов «ВЧ». В Швейцарию. Все на один счет. В Объединенный банк Швейцарии.

Жанна заслонила лицо ладонью. Солнце заливало спальню. Мешало ей видеть, о чем он говорит.

– Какие суммы? – спросила она машинально.

– Двести тысяч евро. Триста тысяч евро. Двести пятьдесят тысяч евро. Меньше чем за неделю.

– Имя получателя известно? – сказала Жанна, так до конца и не проснувшись.

– Нет конечно. Но даты совпадают. Июнь две тысячи шестого года. Сразу после переброски оружия и оплаты счетов «EDS»... И примерно на те же суммы. Пора ехать туда на разведку. В Швейцарию.

«ВЧ». Швейцарские банки. «EDS»... До нее наконец дошло. Восточный Тимор. Торговля оружием. Коррупционные игры между промышленными компаниями и людьми из французского министерства обороны. Но из головы никак не шел кошмар. Тот, что мучил ее всю ночь напролет.

Жанна брела по сырому бетонному лабиринту. Натыкалась на лежащее в луже изуродованное жирное тело Нелли Баржак. Ее плоть пожирало подобие толкиеновского Горлума с шишковатым черепом. Отрывая и постанывая, он поглощал кровавые куски, сдирал кожу, обсасывал кости, копался скрюченными пальцами в мозгу. Во сне Горлум был женщиной. Бесплодной. Или изнасилованной. Из окровавленного рта вырывалось рычание. Живот рассекал свежий шрам. Быть может, оставленный рождением чудища, которое не сумела предотвратить толстуха цитогенетик...

Но страшнее всего был конец. Горлум поднимал глаза и видел зеркало. Людоед – не кто иной, как сама Жанна.

– Ты что, не слушаешь? Я тебя хотя бы не разбудил?

– Вовсе нет.

– Я говорю, что со Швейцарией мы еще намучаемся.

Жанна сосредоточилась. Крендель прав. Ей уже приходилось работать с этой страной. Чтобы добиться идентификации банковского счета, пришлось доказывать, что переведенные на него суммы имеют незаконное происхождение. В данном случае необходимо предъявить доказательства, что деньги действительно получены по фальшивым счетам.

– Там видно будет, – сказала она, садясь в постели. – А что с записями?

– Пусто. Ничего подозрительного. Тупик.

– Мейлы?

– По нулям. Пора переключаться на другую скорость. Обыски?

– Нет. Лучше вызову их повесткой.

– Ты на что-то рассчитываешь?

– Разве только на эффект неожиданности.

– Тебе виднее. А я еще покопаюсь в денежных переводах и перечислениях.

– Тогда перезвонишь. Я выписываю повестки.

– И вот еще. Мне не хватает одного СП.

СП – судебное поручение. Его положено выписывать на каждую прослушку.

Жанна прикинулась идиоткой:

– Какого?

– На прослушивание психиатра. Антуана Феро.

– Наверное, секретарша забыла.

– Не держи меня за дурака, Жанна. Положим, я готов закрыть на это глаза, но парни из технической поддержки такого не потерпят. На каждый жучок им нужно подписанное судебное поручение. Это знает любой первокурсник.

– Ладно, сделаю. Будет тебе бумажка.

– Плевать на бумажку. Вздумала раскрутить меня на незаконную прослушку – так и скажи. Встретимся и все обсудим.

– Идет. Встретимся и обсудим. Только не по телефону.

Жанна повесила трубку. Тут же позвонила в офис и предупредила Клер, что опаздывает. Включила кофемашину. Проглотила антидепрессант. Пошла в ванную. Стоя под душем, размышляла о предостережении Счетчика. Эта история с прослушкой ей еще аукнется. Наивно было думать, что прослушивание психоаналитика останется незамеченным...

После душа, причесанная и покрашенная, она вернулась на кухню. Кофе уже остыл. Она приготовила новый, не забыла сделать тост из хлеба с отрубями. Откусила от него, и тут в голове замелькали картинки из ее ночного кошмара. Горлум. Черно-белая плоть. Урчание. Сон пробудил реальные воспоминания. О виденном накануне. О месте преступления. О жажде плодовитости. О сожранной матке. *А вдруг убийца – женищина?*

Через полчаса Жанна неслась по шоссе, забыв и думать об ограничениях скорости. Еще через двадцать минут она уже сидела за своим столом среди документов по Восточному Тимору. Остаток сегодняшнего утра она потратит на изучение досье, прежде чем разослать повестки.

Жанна еще раз перечитала начало судебного дела. Что-то тут не сходится. Зачем продавать оружие повстанцам в богом забытой стране? Ради денег? Сделка принесла жалкий миллион евро, которым пришлось еще и делиться. Совсем немного для торговли такого рода. И при этом все шансы засветиться в СМИ. Участие в убийстве лауреата Нобелевской премии мира – это не шутки.

Она вернулась к материалам дела в поисках ключа к разгадке. И вскоре его нашла. В Восточном Тиморе была нефть. Недавнее бурение показало значительные ее залежи в районе острова. Прибыли от не облагаемой налогами торговли тиморской нефтью на ближайшие двадцать лет оценивались в пятнадцать миллиардов долларов. Австралийцы уже заключили договор с нынешним правительством. В случае государственного переворота новые лидеры страны – мятежники – найдут для эксплуатации нефтяных месторождений новых партнеров. Почему бы не тех, кто поставлял им оружие?

Выходит, события надо толковать с точностью до наоборот. Работая в министерстве обороны, Бернар Жименес не обращал в звонкую монету свое покровительство «EDS Technical Services», чтобы пополнить левыми доходами кассу Республиканской партии свободы. *Как раз напротив.* «EDS» по приказу политиков снабжала оружием заговорщиков, готовивших государственный переворот, который был бы на руку Франции. Затем политики и промышленники поделили пирог – прибыль от торговли оружием, но это было лишь легкой закуской. Все ждали продолжения банкета: доходов от добычи нефти.

Но вышла одна неувязка: государственный переворот не удался. Планы пришлось свернуть. Вот почему прослушка ничего не дала. Контакты между «EDS Technical Services», «ВЧ» и РПС прервались. Эти выводы укрепили решимость Жанны. Из прослушивания все равно ничего не выжмешь. Пора переходить к допросам свидетелей. Вызывать всю эту шайку в суд.

– Я пойду? – спросила Клер.

Жанна взглянула на часы: уже четыре. Изучая документы, она не заметила, как пролетел день. Вспомнила, что сегодня пятница. В короткие дни перед выходными она ничего не успевала.

– Ступай, я еще поработаю.

Зашуршало платье, и Клер словно испарилась. Потянувшись, Жанна оглядела папки на столе. До вечера ей надо заняться и другими делами. Но сперва она хотела разобраться с Тимором. Понять, где находится этот стратегический пункт в Тихом океане. Она развернула карту, накануне купленную Клер в Национальном географическом институте, и принялась за поиски острова, по форме напоминающего крокодила.

Вглядываясь в контуры, рифы, побережья, Жанна отдалась на волю волн, убаюканная экзотическими названиями. Мысли поплыли. Она вспомнила свое великое путешествие. Окончив Школу судебных работников, она взяла годичный отпуск, чтобы пересечь Южноамериканский континент.

И начала с Центральной Америки. Никарагуа. Коста-Рика. Затем – собственно Южная Америка. Бразилия. Перу. Аргентина. Чили... Это была не обычная туристическая поездка. Жанна избороздила бескрайние просторы в одиночку, стиснув зубы, твердя: «Этого у меня уже никогда не отнять. Каждое ощущение, каждое воспоминание станет моей тайной». Отпечатком, отметиной, зарубкой, которую она сохранит в глубине души. И если ее постигнет любовное разочарование, душа найдет убежище там, среди этих далей...

Семнадцать часов. Целый час она витала в облаках. Твою мать. Она заторопилась. Написала несколько записок с поручениями для Клер, чтобы та выписала повестки Бернару Жименесу, казначею Республиканской партии свободы, ее генеральному секретарю Жан-Пьеру Гриссану, президенту фирмы «ВЧ» Симону Матюри, Жан-Луи Деммару, президенту общества «Nogon», и Патрику Лашу, директору «EDS».

Она положила записи Клер на стол. Взглядом оценила оставшиеся папки. Перед ней стоял выбор: запереться в кабинете до десяти вечера, перебирая бумажки, или потихоньку смыться домой и в постели посмотреть несколько серий «Анатомии страсти», уплетая свою ежевечернюю порцию белого риса.

Но была еще и третья возможность.

Та, что с самого утра не давала ей покоя.

14

Кабинет доктора Антуана Феро располагался в доме № 1 по улице Ле-Гофф. Коротенькой улочке вблизи Пантеона, связывающей улицу Гей-Люссака с Суффло. В ее сумрачных закоулках скрываются каменные лестницы на манер монмартрских, ведущие к совсем уж узким проулкам. Дом № 1 смотрит на улицу Суффло. Жанна припарковалась чуть пониже, на углу.

План у нее был простой. Можно сказать, простенький. Подстеречь психиатра на выходе. Позвонить ему на мобильный, чтобы убедиться, что это действительно он. Потом следовать за ним по пятам, куда бы он ни направился... И вот уже час она ждала, не сводя глаз с подъезда из обтесанных камней, слегка нагретых под лучами послеполуденного солнца. Пока оттуда вышли только двое мужчин и одна женщина.

Но Антуана Феро не видно.

У нее было время подумать. Например, о нелепости ситуации: следственный судья сидит в своей тачке в засаде, подстерегая психиатра с соблазнительным голосом. *Как патетично.* Но она и была настроена романтично. Все время представляла, каким он окажется. Высокий. Худой, но не слишком. Волосы темные. Пальцы длинные. Пальцы – это очень важно. Ну а главное – лицо. Она смутно представляла, какое оно. Но непременно значительное. Отмеченное сильным характером. Бросающейся в глаза решительностью.

Прошло еще полчаса. Она включила радио. Рок-н-ролл. Он помог ей отвлечься. Тома уже не позвонит. И она ему так и не позвонила. Ну и слава богу. Когда умирает надежда, остается хотя бы гордость. Еще она подумала о Восточном Тиморе и о дурацких вызовах в суд – они еще выйдут ей боком. О судебном поручении на прослушивание кабинета Феро, которое она так и не выписала. И это ей тоже не сойдет с рук...

Из подъезда вышел мужчина.

С первого же взгляда она поняла, что это он.

Ростом под метр восемьдесят. Очень худой. Длинные черные волосы. Узкое лицо с едва наметившейся бородкой. И все же, несмотря на густые черные брови, его чертам недоставало мужественности. Особенно подбородку, немного округлому и чуть скошенному, лишенному решительности, о которой мечтала Жанна. *Нельзя иметь все.* И с его возрастом тоже что-то не так. На вид Феро лет тридцать пять. А по голосу она дала бы ему на десять лет больше.

Она набрала его номер. Мужчина остановился. Покопался в карманах. На нем был серый льняной костюм, сильно помятый, словно воплощение прошедшего рабочего дня.

– Алло?

Она отключилась. Это он. Сердце сладко защемило, когда он прошел мимо к подземной стоянке на улице Суффло. Прежде чем исчезнуть, провел рукой по волосам. Длинные пальцы пианиста. Они полностью искупали слабый подбородок и слишком молодую внешность. Жанна включила зажигание. Отыскала глазами два выезда со стоянки по обеим сторонам улицы. Из какого появится он? Какая у него машина? На другой стороне из-под земли вылетел издававший виды скутер и понесся к бульвару Сен-Мишель. Она едва различила лицо под шлемом. Феро. Включив первую скорость, она развернулась. Психиатр уже затормозил на красный свет у бульвара Сен-Мишель. Судя по мигающей фаре, он собирался свернуть направо, к Сене. Через несколько секунд Жанна с бешено бьющимся сердцем уже ехала следом.

Зеленый свет. Он спустился по бульвару, миновал фонтан на площади Сен-Мишель и свернул влево на набережные. Вел он уверенно, как человек, которому некуда торопиться и не о чем тревожиться. Есть ли у него женщина? Жанна то и дело сжимала и разжимала руль. Ладони вспотели. Она выключила радио. В темных очках она выглядела героиней пародии на шпионский фильм.

На набережной Гран-Огюстен Феро прибавил скорость. Набережные Конти, Малаке, Вольтера. Он свернул на скоростной путь вдоль берега и влился в поток автомобилей. Пропустив вперед две машины, Жанна поехала следом. Все шло хорошо. Не спуская глаз с Феро, она успевала любоваться вечерним городом. Мосты в сумерках загорались огнями. Здания на правом берегу окутывала густая тень. Сена тяжело катила плотные, словно грязевые потоки, волны. И этот необъятный розовый свет, опускавшийся на город подобно савану. Феро все ехал. Но куда?

Миновав мост Согласия, он взял левее и въехал в короткий туннель, ведущий к дорожной развязке. На мосту Инвалидов повернул направо, пересек Сену, снова свернул направо и по набережным добрался до моста Александра III. Жанна было подумала о «Show-Case», новом модном клубе под мостом. Но Феро припарковался у садов, окружающих Гран-Пале, убрал в седельную сумку шлем и пешком двинулся к проспекту Уинстона Черчилля.

Жанна последовала за ним и припарковалась у подножия одной из квадриг Гран-Пале. Упряжка диких коней, рвущихся вверх со стеклянной крыши. Феро направился к входу во дворец. Жанна вспомнила, что в музее проходит выставка «ВЕНА-1900», посвященная художникам Венского сецессиона. Климт. Эгон Шиле. Мозер. Кокошка. В голове мелькнула нелепая мысль: очень кстати, ей давно хотелось ее посмотреть.

Психоаналитик уже поднимался по ступеням. Она ускорила шаг, угадывая высоко над головой гигантский купол из стекла и стали, собирающий солнечный свет подобно гигантской линзе. Она чувствовала себя крошечной и вместе с тем легкой, взбудораженной, опьяненной вечерним Парижем, тающим в закатном свете.

Феро как сквозь землю провалился. Видно, у него есть пропуск, чтобы не стоять в очереди. В длинной очереди на ночную выставку, тянувшейся в противоположную сторону, к Елисейским Полям. Жанна покопалась в сумке. У нее тоже был пропуск. Трехцветная карточка, выданная ей по указу президента. Годится для обысков, стодится и для венских художников.

Через несколько минут она входила на выставку. Ей подумалось, что эти золотистые, красноватые и коричневатые полотна – огромный занавес над сценой, где разыгрывается еще более обширное и богатое действо, в котором смешались все искусства. Вена начала XX века, когда все достигло расцвета: живопись, скульптура, архитектура, а благодаря Малеру и в скором времени Шёнбергу – музыка... Не говоря о фундаментальном перевороте, ставшем фоном этого действия, – психоанализе.

В нескольких шагах от нее Феро, не торопясь, вглядывался в каждую картину. У него не было каталога. И на названия он не смотрел. Похоже, он здесь не впервые. Вспотевшая Жанна расслабилась и тоже без спешки принялась любоваться полотнами. В первом зале царил Климт. Как всегда, ее потрясло своеобразие этого художника. Каждый оттенок. Каждая линия. Каждый рисунок. Все буквально кричало о разрыве с тем, что писалось прежде. Но этот разрыв дышал нежностью. Размытые цветочные поверхности, напоминающие японские гравюры. Утонченные сочетания красок. Мазки золота. Игра эмалей, жемчугов, цветных стекол, бронзовых пятен...

И женщины. Уснувшие феи с длинными медовыми волосами, укрывшиеся среди рисунков одновременно строгих и экстравагантных. Каждую женщину, охраняя ее сон, окружал симметричный узор: изображения и изгибы тянулись в ряд, как рисунок на ткани. А иногда полотно казалось расплывчатым, водянистым. Пряди вились, словно рыжие водоросли. Сквозь прозрачные воды пробивались вспышки золота и жемчуга, танцующие под толщей сверкающей смолы. Взгляд, ум, сердце буквально утопали в этих полотнах...

Феро застыл перед небольшой картиной меньше метра в высоту. «Сейчас», – подумала она. Двинулась в его сторону, собираясь просто встать рядом. А там посмотрим. Во рту пересохло, ноги стали ватными. Она подошла, повторяя про себя несколько комплиментов, которые ей делали в последнее время. Сравнение с абсентом, придуманное Тома. Замечание Тэна

о том, как она массирует себе затылок. Слова секретарши Клер о ее сходстве с актрисой Джулианной Мур...

Она стояла рядом с Феро не меньше минуты, не шевелясь, перед картиной, которой не замечала.

И он только что произнес...

Голос, который она так часто слышала в наушниках, теперь раздался у самого ее уха...

– Про... Простите?

– Я сказал, что каждый раз при виде этой картины вспоминаю Бодлера: «Я грязь смешал и золото добыл...».

Жанна едва не расхохоталась. Мужчина, который с ходу цитирует Бодлера, явно не дозрел до сайта знакомств. Хотя почему бы и нет? Она взгляделась в полотно Климта. Это был поясной портрет очень бледной женщины в бирюзовом платье на оранжевом фоне.

Ее голос прозвучал почти агрессивно:

– По-вашему, грязь – это натурщица?

– Нет, – мягко отозвался Феро. – Грязь – это время, уничтожающее красоту женщины. Монотонная повседневность, которая ее подтачивает. Банальность, которая затягивает ее день за днем. Климт вырвал ее из этого болота. Ему удалось запечатлеть внутреннее горение этой женщины. Раскрыть тот благословенный миг, что проходит между двумя ударами сердца. Он даровал ей вечность... Личную.

Жанна улыбнулась. Тот же голос, что она слышала в записи. Только ближе. Реальнее. Он оправдал ее ожидания. Она всмотрелась в полотно. Психиатр прав.

Портрет Иоганны Штауде.

Два дополнительных цвета наносили вам удар в лицо. Бирюзовый оттенок платья – такой естественный, словно художник писал его минералами. Красноватый фон, плававший подобно лаве. Жанне это напомнило не Бодлера, а знаменитое стихотворение Поля Элюара: «Земля вся синяя как апельсин...»¹⁷.

Оправившись от удара, вы замечали лицо. Круглое и белое как луна. Это бледное пятно, окруженное черным меховым воротником, и было ключом к картине. Открывавшим несказанную истину, поэзию волшебной сказки: она не требует объяснений, проникая в вас до самого нутра, а то и ниже – до гениталий. До самых корней естества...

Жанна прониклась нежностью к этой женщине. К этому лицу лунного Пьеро. К черным, коротко стриженным волосам – прическе совершенно необычной для того времени. Тонким красным губам. Широким, выразительным, словно знаки препинания, бровям. Ко всем этим штрихам, напомнившим ей рекламу, которую она обожала девчонкой. Духов «Лулу» от Кашарель. Молодая женщина, будто скользящая под самую сладостную мелодию на свете: «Павану» Габриеля Форе...

Она обрела союзницу. И сразу же почувствовала прилив сил и уверенности, хотя по-прежнему не знала, что ему сказать. Пауза затянулась. Она ломала голову в поисках темы для разговора.

– Я на этой выставке уже пятый раз, – продолжал он. – Здесь я обретаю некое... умиротворение. Источник спокойствия и просветления. – Он на миг замолчал, словно приглашая ее прислушаться к журчанию источника. – Пойдемте. Я хочу вам кое-что показать.

Жанна повиновалась. Отдалась на волю волн. Они прошли в следующий зал. Несмотря на охватившее ее смятение, она ощутила, как мгновенно изменилась атмосфера.

Стены покрыты криками и ранами. Телами, сведенными судорогой. Лицами, искаженными страстью или ужасом. Но агрессивнее всего была сама живопись, как нечто материальное. Сгустки коричневого, охры, золота, точно ободранные ножом. Мешанина густых, вывер-

¹⁷ Перевод с французского М.Ваксмахера.

нутых мазков, напоминавшая вспаханные поля. Узкие лица. Выпученные глаза. Конвульсивно сжатые руки. В памяти всплыла севильская Семана Санта¹⁸. Неделя покаяния с этими лицами вместо колпаков и светящимися руками вместо свечей.

– Эгон Шиле! – воскликнул Феро. – Он не похож на Климта, но так же приносит мне облегчение. Насилие у него позитивно. Спасительно. Я психиатр и психоаналитик. У меня случаются... трудные дни. Эти полотна начала века придают мне сил и мужества.

– Мне очень жаль, – еле выговорила она. – По правде сказать, я не понимаю...

– Да ведь полотна вскрывают подсознание! Они доказывают реальность того мира, которому я посвящаю свою жизнь. Сон. Пол. Тревога... Эгон Шиле выворачивает душу как перчатку. Конец притворству, мещанскому ханжеству, спасительным уловкам...

У Жанны голова пошла кругом. С утра у нее во рту маковой росинки не было. От переполнявших ее эмоций она плохо соображала. А Антуан Феро, несмотря на чарующий голос и смазливое лицо, сильно смахивал на психа.

– Извините, – сказал он, понизив голос, словно пытаясь ее успокоить. – Я увлекся. А ведь я даже не представился. – Он протянул ей руку: – Антуан Феро.

Она вяло пожала ему пальцы, впервые разглядывая его вблизи. Перед ней предстало нервное, лихорадочное, но странно потухшее лицо. Феро не стремился пустить пыль в глаза или отгородиться от взглядов. Вот он перед ней, уязвимый, без прикрас, словно голый...

– Жанна Крулевска.

– Это по-польски?

– Кажется, это значит «королевская».

Господи, да что она несет? К чему?

– Но у вас польские корни? – настаивал Феро.

– Весьма дальние. Я хочу сказать, мой отец был поляк, но всегда держался... на расстоянии.

Эти слова только все усложнили. Ей хотелось быть забавной, а вместо этого она выставила себя жертвой. Но взгляд Феро будто обволакивал ее, выражая внимание и поддержку.

– Вам как будто не по себе. Вы слышали о синдроме Стендаля?

– Дарио Ардженто, – пробормотала она.

– Простите?

– «Синдром Стендаля». Итальянский фильм ужасов. Режиссер Дарио Ардженто.

– Не смотрел. Я говорил о психологическом синдроме. О людях, сверхчувствительных к живописи. При виде картины они падают в обморок.

– Фильм как раз об этом.

И зачем она настаивает? Чередой вспышек перед ней пронеслись кадры из фильма. Азия Ардженто, идущая по римским улицам в белокуром парике, готовая убивать всех подряд. Изнасилованные женщины. Лицо, развороченное пулей из автоматического пистолета...

Она подняла руку ко лбу и, словно извиняясь, добавила:

– Я... Я весь день ничего не ела. Мне...

Он не дал ей закончить, решительно взяв ее под руку:

– Идемте. Выйдем на воздух. Я угощу вас мороженым.

¹⁸ Страстная неделя (*исп.*). В это время по Севилье проходят процессии кающихся грешников в островерхих колпаках с зажженными свечами в руках.

15

Уличный воздух не принес никакого облегчения. В лучах заката листья отбрасывали на землю дрожащие тени, а ей казалось, что ее подводит зрение. Она стыдилась своего состояния, но втайне ей было приятно, что за ней так ухаживают. Они пересекли проспект по направлению к театру Мариньи, купили в киоске итальянское мороженое.

– Хотите прогуляться?

Она кивнула в ответ, смакуя прохладное мороженое и ту мягкость, с которой был задан вопрос. Молча они шли к площади Согласия. Давно уже ей не случалось бродить по этим садам. Другие, обнесенные оградой парки всегда выглядят какими-то куцыми. Напротив, сады Елисейских Полей распахнуты навстречу городу, они заключают проспект в объятия, смешиваясь с уличным движением, шумом, выхлопными газами... Ты словно попадаешь на свидание. Наблюдаешь за историей любви листвы и асфальта, гуляющих и машин, природы и загрязнения атмосферы...

– Я от этого без ума, – признался Феро. – Вена. Начало двадцатого века... Просто наваждение. Времена, когда за всеми этими уютными пивными, кафе и штруделями открылось столько откровений! Климт, Фрейд, Малер...

Ей не верилось, что он снова затынет ту же песню. А он уже пустился в подробнейшее описание интеллектуального кипения той эпохи. Жанна не прислушивалась. Она *физически* наслаждалась его присутствием.

Они все шли в тени листвы, мимо летящих на полной скорости машин. Вечернее солнце заливало багряным лаком каждую былинку. Огненными кругами сверкали металлические решетки вокруг деревьев. Давно уже Жанне не бывало так хорошо.

Феро увлеченно говорил, но она не слушала. Ее трогал только его пыл. Эта его непосредственность, разговорчивость. Как и его стремление очаровать ее своими познаниями.

На площади Согласия он взял ее под руку:

– Ну что, теперь в Тюильри?

Она кивнула. Рев машин. Вонь выхлопных газов. Каменные фонтаны, розоватые струи. Туристы, в восторге фотографирующие друг друга. В любой другой день все это только раздражало бы ее, но сейчас казалось волшебным, сказочным, нереальным.

– Я все болтаю без умолку, а ведь ничего о вас не знаю, – заметил Феро, когда они входили в сады Тюильри. – Чем вы занимаетесь?

Только бы не отпугнуть его своей работой.

– Маркетингом, – нашлась она.

– В смысле?

– Я руководитель. Возглавляю пиар-агентство. Мы делаем буклеты, рекламные тексты. Ничего особенного.

Феро указал на скамью. Они уселись. По садам расплзались сумерки, вырисовывая каждую деталь, придавая предметам плотность. Темнота была созвучна настроению Жанны, с радостью погрузившейся в эту глубину, в эту густоту.

Феро продолжал голосом, который словно напитался вечерним сумраком:

– Главное – ежедневно, ежеминутно любить свое дело.

– Нет, – не задумываясь отозвалась она. – Главное – это любовь.

И тут же закусила губу от досады, что сморозила подобную глупость.

– А вы знаете, что вы совершенно по-особому говорите «нет»?

– Нет.

Феро рассмеялся от души.

– Вот опять вы это сделали. Вы чуть-чуть поворачиваете голову, но не до конца.

– Все потому, что я не умею говорить «нет». Никогда не дохожу до конца.

Он ласково взял ее за руку:

– Никогда не говорите это мужчине!

Она покраснела. За каждой репликой следовала короткая пауза. Пауза, состоявшая из смущения и удовольствия. Так ласково с ней не говорили уже... Уже слишком давно!

Она постаралась задержать это мгновение, поддержать разговор, не утонув в блаженстве.

– Ну а как вам вся эта стирка? – через силу спросила она.

– Какая стирка?

– Вы ведь стираете грязное белье своих пациентов, верно?

– Да, можно и так сказать. Иногда бывает нелегко, но эта работа – моя страсть. Только ради нее я и живу.

Эти слова показались ей хорошим знаком. Ни жены. Ни детей. Она уже жалела, что солгала ему. Ведь то же самое она могла бы сказать и о своей работе. Два увлеченных профессионала. Два свободных сердца.

– Вы могли бы назвать главную причину этой своей страсти?

– Вы подвергаете психоанализу психоаналитика?

Она молчала, дожидаясь его ответа.

– Думаю, больше всего мне нравится, – сказал он наконец, – быть в центре всего механизма.

– Какого механизма?

– Механизма отцов. Отец – ключ ко всему. Его тень всегда лежит в основе личности ребенка, его поступков и желаний. Особенно в том, что касается зла.

– Боюсь, я не совсем вас понимаю.

– Представьте себе настоящее чудовище в человеческом обличье. Существо, которое и человеком-то не назовешь, настолько ужасными представляются его поступки. Например, Марка Дютру. Помните его историю?

Жанна кивнула. Если бы Дютру орудовал в Иль-де-Франс, ей бы, возможно, пришлось вести его дело.

– Нам не понять действий такого преступника. Он уморил голодом девочек, которых держал в подвале. Он их насиловал. Торговал ими. Некоторых закопал живыми. Этому нет оправдания. Но если вы пореетесь в его истории, то найдете там другое чудовище – его отца. У Марка Дютру было кошмарное детство. Он и сам жертва. Таких примеров сколько угодно. Ги Жоржа бросила мать. А мать Патриса Алегра использовала его в своих сексуальных забавах.

– Теперь вы говорите о матерях.

– Я говорю о родителях в широком смысле слова. О первых объектах детской любви. В сознании ребенка они неразделимы. Серийные убийцы всегда сходны в одном, будь то психопаты или извращенцы, – у всех у них было несчастное детство. Все они – результат ошибки, насилия, не позволивших им стать нормальными людьми.

Интерес Жанны поутих. Эти общие фразы она выучила наизусть. Ей приходилось выслушивать их всякий раз, когда она назначала психиатрическую экспертизу убийцы. И все-таки она спросила:

– А что вы понимаете под «механизмом отцов»?

– Я часто бываю на судебных заседаниях. Каждый раз, когда говорят о семье убийцы, я задаюсь вопросом: почему родители этого человека оказались не на высоте? Почему сами они были чудовищами? А что, если и они дети родителей, склонных к насилию? И так далее. За каждым преступником *уже* стоит преступный отец. Зло – это цепная реакция. Так можно дойти до самых истоков человека.

– До самого праотца? – спросила она, вдруг заинтересовавшись.

Феро приобнял Жанну. По-прежнему без малейшей двусмысленности. Несмотря на серьезность разговора, он оставался непринужденным и оживленным:

– У Фрейда была своя теория по этому поводу. Он изложил ее в «Тотеме и табу». Исначальная вина.

– Адам и яблоко?

– Нет, убийство отца. Фрейд сочинил притчу. Давным-давно, в незапамятные времена, племенем правил один мужчина. Доминирующий самец. У волков это называется Альфа-самец. У него было право выбора самки. Из ревности сыновья убили его и съели. И с тех пор они жили в раскаянии. Они создали культ отца – тотем – и запретили браки с женщинами из своей группы. Так появился запрет на инцест и отцеубийство. Мы до сих пор живем, подавляя в себе угрызения совести. И хотя научная антропология всегда оспаривала этот тезис Фрейда – ничего подобного в действительности никогда не случалось, – не следует забывать о значении мифа. Мы несем ответственность за эту вину. Или хотя бы за намерение. Лишь хорошее воспитание позволяет нам сохранять равновесие, находя для подавленных желаний другой выход. Но при малейшем сбое наша склонность к насилию вырывается наружу, усугубленная тем, что до того ее подавляли, а также нехваткой любви...

Жанна не была уверена, что все поняла, да и какая разница? Вдали хрустальным конусом сверкала Луврская пирамида. Наверное, уже около десяти. Ей не верилось, что их разговор принял такой оборот.

– Ну а что делал ваш отец?

Нескромный вопрос вырвался у нее против воли. Феро непринужденно ответил:

– Это могло бы стать темой еще одного свидания, как по-вашему?

– Вы хотите сказать, еще одного сеанса?

Они рассмеялись, но порыв уже угас. Ферро замкнулся в себе. И Жанну невольно охватила печаль.

– Я хочу домой. – Она поправила волосы. – Кажется, с меня хватит.

– Ну еще бы...

Психиатр, очевидно, подумал, что она имеет в виду их разговор и слишком серьезные темы, которых он касался. Но он ошибался. Жанне Крулевска просто-напросто хватило счастья.

16

У дверей квартиры Жанна чуть не наступила на лежавший на коврике конверт. Записи за сегодняшний день. Сеансы доктора Антуана Феро. Она подобрала диски, решив оставить их на завтра. Не хотелось снова слышать голос психоаналитика. Перебивать недавние впечатления.

Она направилась напрямиком в ванную и встала под душ как во сне. Будто пьяная. Она даже толком не поняла, чем закончилась их встреча. Они обменялись номерами мобильных, вот и все.

Выйдя из кабинки, она натянула майку и «боксеры». Она уже не испытывала ни жары, ни усталости. Лишь оцепенение. Чудесное ощущение пустоты. В ней только и осталось, что это смутное, без четких границ чувство рождающейся любви.

Кухня. Свет. Есть не хотелось. Жанна налила себе чашку черного чая. Хотелось сейчас же лечь в постель. Уснуть в опьянении, прежде чем тревога все испортит. Она себя знала. Если не заснет, начнет задаваться вопросами. Понравился ли он ей? Перезвонит ли он? По каким, положительным или отрицательным, признакам можно угадать его душевное состояние? Она способна до утра анализировать любую мелочь. Проводить настоящее предварительное расследование. По окончании которого так и не добьется *внутренней убежденности*.

И снова в полумраке на глаза ей попался конверт. Захотелось услышать голос. *Его голос*. Она устроилась в гостиной с ноутбуком на коленях, надела наушники. Вставила диск.

Прокрутила запись. Жанна собиралась прослушать только один или два сеанса. Из каждого она выхватывала первые слова и принимала решение. Узнавала голоса, интонации и хорошо обустроенные психические преисподние, по которым каждый метался, как крыса в своем лабиринте. Но лишь в самом конце диска ей наконец попало нечто действительно заслуживающее внимания.

Отец-испанец пришел снова.

Вместе с сыном.

– Познакомьтесь с Хоакином.

В темноте она усилила звук. Выходит, отец с сыном приходили к Феро около шести. Как раз тогда, когда она караулила его в машине... И она видела, как они входили и выходили из дома № 1 по улице Ле-Гофф. Но ничего такого не припомнит. Поджидая одного мужчину, на двух она не обратила внимания.

– Здравствуйте, Хоакин.

– Здравствуйте.

По голосу Жанна предположила, что ему около сорока. Значит, как она и думала, отцу не меньше шестидесяти.

– Вы согласны ответить на несколько вопросов?

– Согласен.

– Сколько вам лет?

– Тридцать пять.

– Вы женаты?

– холост.

– Работаете?

– Я адвокат.

– В какой области?

– Занимаюсь негосударственными организациями, размещенными на Южноамериканском континенте.

Хоакин говорил без всякого испанского акцента. Похоже, он вырос во Франции. Или у него природные способности к языкам.

– Какова сфера деятельности этих неправительственных организаций?

– Все как обычно. Помогаем самым бедным. Лечим детей, делаем им прививки. Что касается меня, я управляю пожертвованиями, собранными по всему миру.

Молчание. Феро записывал. На каждый вопрос Хоакин отвечал уверенно, не спеша и не путаясь.

– У вас есть проблемы со здоровьем?

– Нет.

– Вы пьете?

– Нет.

– Принимаете наркотики?

– Никогда.

– Ваш отец говорит, что у вас случаются, скажем, приступы.

Жанне послышался смешок. Видимо, Хоакин не принимал все это близко к сердцу.

– Приступы. Хорошо сказано.

– Что вы об этом скажете?

– Ничего.

– Почему?

– Я о них ничего не помню. Это словно провал в памяти.

– Это-то меня и беспокоит, – добавил отец.

Опять молчание. Феро снова сделал запись.

– И для этих провалов характерно появление другой личности?

– Говорю вам, понятия не имею!

Хоакин повысил голос. Первый признак нервозности. Голос Феро тоже изменился. Стал тверже.

– Вы согласны провести сейчас короткий сеанс гипноза?

– Как в «Экзорцисте»?

Адвокат заговорил шутливым тоном. Отстраненным.

– Как в «Экзорцисте». Именно. Этот метод часто преподносит сюрпризы.

Снова смешок.

– Думаете, я одержим дьяволом?

Голоса собеседников звучали то нервно, то непринужденно. Как у Хоакина, так и у Феро.

– Нет, – ответил психоаналитик. – Возможно, во время ваших провалов действуете вы сами и какая-то другая личность, хотя вы об этом не подозреваете. Или скорее другая сторона вашей личности. Вместе мы, несомненно, сумеем заставить ее проявить себя. Для вас это совершенно безопасно.

Феро говорил уверенно. Словно хирург перед тем, как дать наркоз. Послышался шорох. Хоакин заерзал на стуле.

– Не знаю.

– Хоакин, – шепнул отец.

– Папа, не вмешивайся.

Молчание. И потом:

– Хорошо. Давайте попробуем.

– Позвольте, я задерну шторы.

Шум шагов. Постукивание жалюзи. Скрип передвигаемых стульев. Жанна слушала как зачарованная. Она не могла избавиться от мысли, что все это произошло перед самой их встречей. Ей открывалась истина. Когда она расслабилась, лакомясь мороженым в садах на Елисейских Полях, Антуан Феро тоже пытался развеяться. Выходит, они помогали друг другу. Жанна ускорила прослушивание, пропуская подготовительный этап перед сеансом гипноза. Теперь Хоакин был в трансе. Замедленные ответы. Невыразительный голос, словно исходивший из

глубины гортани, прямо из голосовых связок. Жанна представляла всех троих в полумраке кабинета. Феро сидит за столом или, возможно, рядом с пациентом. Хоакин выпрямился на стуле, с закрытыми глазами или неподвижными зрачками. А в стороне стоит отец. Она бы не сказала почему, но он виделся ей с пышной, тронутой сединой или совсем седой шевелюрой.

– Хоакин, вы меня слышите?

– Я вас слышу.

– Я бы хотел обратиться к тому, кто находится в вас, если он существует.

Нет ответа.

– Могу я поговорить с ним?

Феро повысил голос:

– Я обращаюсь к тому, кто живет внутри Хоакина. Отвечай!

Жанна заметила, что Феро перешел на «ты». Наверняка чтобы различить двух своих собеседников: Хоакина и чужака. Последняя попытка, более спокойным тоном:

– Как тебя зовут?

Короткое молчание. Затем в комнате зазвучал другой голос:

– *У тебя нет имени.*

От этого тембра ее передернуло. В нем было что-то металлическое, скрежещущее, сверлящее. Ни мужчина и ни женщина. Возможно, ребенок. На каникулах в деревне, в Леперше, они с сестрой мастерили рацию из консервных банок, связанных веревочкой. Из металлических цилиндров раздавался точно такой же звук. Жестяной голос. Голос металлической струны.

– Как тебя зовут?

Отец прошептал:

– Оно никогда не говорит «я». Оно всегда говорит во втором лице.

– Замолчите.

Феро прочистил горло:

– Сколько тебе лет?

– *У тебя нет возраста. Ты из леса.*

– Какого леса?

– *Тебе будет очень больно.*

– Чего тебе надо? Чего ты хочешь?

Нет ответа.

– Расскажи мне о лесе.

Металлический скрежет. Вероятно, смешок.

– *Его надо слушать. Лес мертвецов.*

– Почему ты его так называешь?

Нет ответа.

– Ты узнал этот лес, когда был маленьким?

– *Ты узнал этот лес, когда был маленьким?*

Отец снова негромко вставил:

– Я заметил, что это значит «да». Оно повторяет вопрос.

Феро не ответил. Жанна представила, как он сосредоточился на Хоакине. Наверняка склонился над ним, упираясь руками в колени.

– Опиши мне его.

– *Лес опасен.*

– Почему?

– *Он убивает. Он кусается.*

– В лесу тебя искушали?

– *В лесу тебя искушали?*

– Когда ты появляешься внутри Хоакина, что ты заставляешь его делать?

Молчание.

– Ты хочешь отомстить лесу?

Молчание.

– Отвечай на вопрос.

Молчание.

– Отвечай, это приказ!

Снова скрежет. Возможно, смех. Или отрывка. Детский голос стал чуть выше, и теперь это было похоже на быстрое заунывное чтение:

– Todas las promesas de mi amor se irán contigo. / Me olvidorás, me olvidorás. / Junto a la estación Poraré igual que un niño, / Porque te vas, porque te vas, / Porque te vas, porque te vas¹⁹...

Феро попытался перебить его, но мужчина-ребенок все бормотал:

– ... se irán contigo. / Me olvidorás, me olvidorás. / Junto a la estación Poraré igual que un niño, / Porque te vas, porque te vas, / Porque te vas, porque te vas ...

Голос был ужасен, словно связки раскалились от трения и чуть не лопались. Повысив голос, Феро удалось вывести Хоакина из транса. По его приказу тот замолчал.

– Хоакин, вы меня слышите?

– Да, слышу.

Он снова говорил мужским голосом.

– Как вы себя чувствуете?

– Усталым.

– Вы помните, что сказали мне под гипнозом?

– Нет.

– Отлично. На сегодня достаточно.

– Что со мной, доктор?

К нему вернулся шуточный тон, в котором, однако, сквозило беспокойство.

– Еще слишком рано делать выводы. Вы согласны приходить ко мне регулярно? Пройти обследование?

– Все, что хотите, – произнес он, сдаваясь.

– А теперь мне надо переговорить с вашим отцом. С глазу на глаз.

– Ну конечно. До свидания, доктор.

Скрип стульев. Стук двери. Затем – дрожащий голос отца:

– Ужасно, правда?

– Все нет. Но придется провести исследования. Проверить, нет ли неврологических нарушений.

– Разумеется.

– У вашего сына – я говорю о том существе, к которому я обращался во время сеанса гипноза, – наблюдаются специфические симптомы.

– Симптомы чего?

– Реверсия местоимений. Повторение вопросов. Эхолалия. И даже лицо: вы заметили, как оно исказилось, когда заговорил *другой*?

– Симптомы ЧЕГО?

– Аутизма.

¹⁹ Все обещания моей любви уйдут вместе с тобой. / Ты забудешь меня, ты забудешь меня. / Я приду на вокзал и буду плакать как маленький, / Потому что ты уходишь, потому что ты уходишь... (исп.). Песня «Потому что ты уходишь» известного испанского певца и композитора Хосе Луиса Пералеса в исполнении Жанетт впервые прозвучала в 1976 г. в фильме «Вскорми ворона» режиссера Карлоса Сауры и сразу же облетела мир. В русском варианте ее припев звучал так: «Время пройдет, и ты забудешь то, что было / С тобой у нас, с тобой у нас. / Нет, я не жду тебя, но знай, что я любила / В последний раз, в последний раз».

- Я не желаю слышать это слово.
- Вы никогда не лечили его от этого?
- Вам известна его история. В первые годы его жизни меня не было рядом.
- Какие отношения были у него с матерью?
- Мать умерла от родов. *Нау Dios mio*²⁰, вы что, ничего не записываете?
- Я не понимаю, как вы поступили с этим ребенком.
- Так было принято у меня на родине. Все так делали.

Говорили они тихо. Жанна попыталась представить себе эту картину. Феро так и не открыл шторы. Значит, они все еще в потемках.

– Мне надо больше знать о его прошлом. По-вашему, что он имел в виду, когда упомянул лес мертвецов?

- Не знаю. Меня там *еще* не было.
- А что за испанские слова он все время повторяет?
- Это я могу сказать. Слова из испанской песни семидесятых годов. «*Porque te vas*».

Из фильма «*Gría suervos*»²¹. Стоит ему почувствовать себя в опасности, как он повторяет эти слова.

– Его надо лечить. Его состояние... сложное. Раздвоение личности как будто указывает, что он страдает еще и шизофренией. Но симптомы схожи с симптомами аутизма. Придется на несколько дней положить его в больницу. Я даю консультации в прекрасной клинике, и...

– Не могу! Ведь я вам уже объяснял. Стоит поместить его в клинику, как откроется правда. *Наша правда*. Это невозможно. Теперь вся надежда на Господа. «И будет Господь вождем твоим всегда, и во время засухи будет насыщать душу твою»²².

Феро, казалось, уже не слушал. Он пробормотал себе под нос:

- Я беспокоюсь. За него. За других.
- Слишком поздно.
- Слишком поздно?

– Думаю, сегодня ночью он кого-то убьет. В Париже, в Десятом округе. Он все время рыщет по кварталу Бельвиль.

²⁰ Господи Боже мой! (*исп.*)

²¹ «Вскорми ворона» (*исп.*). Начало испанской пословицы: «Вскорми ворона, и он выклюет тебе глаза».

²² Ис 58:11.

17

До самого утра Жанна почти не сомкнула глаз. Переживания, размышления, голоса сменяли друг друга в бесконечных кошмарах. Встреча с Антуаном Феро. *Я угощу вас мороженым.* Сеанс гипноза. Голос чужака. *Лес кусает тебя.* И страхи отца. *Думаю, сегодня ночью он кого-то убьет. В Десятом округе...*

В глубине души она ни во что не верила. Ни в любовное свидание. Ни в будущее убийство. Свидание – это слишком хорошо, чтобы быть правдой. И можно ли доверять признанию в убийстве, сделанному в кабинете психоаналитика? *Того самого* психоаналитика, чей кабинет она поставила на прослушку? Немыслимо.

Да и сам Феро не больно-то в это верил. Иначе не поспешил бы на выставку Венского сецессиона. И не стал бы заигрывать с рыжей незнакомкой. С другой стороны, она понимала, почему он выглядел измученным. Почему за его разговорчивостью сквозило беспокойство. Вероятно, его, как и ее теперь, снедало мучительное сомнение. Произойдет ли убийство? Надо ли сообщить в полицию? Жанна улыбнулась. Если бы он только знал, чем она занимается на самом деле...

Она встала. Взглянула на часы. Девять. Сегодня суббота. Солнце уже заливало квартиру. Она пошла на кухню и приготовила себе неспрессо. Черный аромат и вкус жженой земли. Делать тартинки она не стала. Смотрясь в хромированную стенку холодильника, проглотила обычную дозу эффексора.

Надела майку с надписью против олимпийских игр в Пекине – вместо олимпийских колец на ней были изображены наручники – и «боксеры» от «Кальвина Кляйна». Слова отца не шли у нее из головы: «Думаю, сегодня ночью он кого-то убьет. В Десятом округе».

Ей, судье, ничего не стоило это проверить. Позвонить в парижскую префектуру полиции и узнать, не находили ли прошлой ночью в столице какой-нибудь труп. Если предположить, что «мужчина-ребенок» перешел к действию и избавился от трупа где-то в пригороде, можно даже обзвонить все прокуратуры Иль-де-Франс. Она знакома со всеми прокурорами. Или почти со всеми.

Еще один неспрессо. Она прошла в гостиную. Уселась перед низким столиком на диван. Достала из портфеля специальный телефонный справочник, выпущенный министерством юстиции, и взяла телефонную трубку.

Сначала она позвонила в офис прокурора ПП – префектуры полиции. Ни одного убийства за ночь. Во всяком случае, ни одного трупа сегодня утром. Но еще нет и десяти. К тому же сегодня суббота, а значит, труп могут найти через два дня, если он находится в офисе, на складе или любом другом рабочем месте.

Затем она позвонила в прокуратуру Нантера.

Ничего.

Прокуратура Бобиньи.

Ночью произошло убийство в Ганьи. В пьяной драке. Преступник уже задержан.

Кретей.

Ничего.

Жанна нашла телефонные номера прокуратур Большой короны²³.

Версаль.

Ничего.

Сержи.

²³ *Большая корона* – общее название четырех департаментов, расположенных на границе Иль-де-Франс и не граничащих с Парижем: Сен-э-Марн, Ивелин, Эссон, Валь-д'Уаз.

В Сене утонул бродяга.

Мо.

Ничего.

Мелен.

Убита женщина. Обычное семейное насилие.

Фонтенбло.

Ничего.

Понтуаз.

Ничего...

Она взглянула на часы. Почти одиннадцать. Ее долг выполнен. Каждый раз она просила дежурного перезвонить ей на мобильник, если что-то обнаружат. Все обещали. Не задавая вопросов. Репутация судьи Крулевска говорила сама за себя. У нее наверняка есть на то причины. Оставалось лишь ждать.

Пора забыть эту историю. И все-таки напоследок она набрала номер парижского штаба на площади Бово²⁴, куда приходили сообщения обо всех серьезных преступлениях, совершенных в Иль-де-Франс. Тоже ничего.

Штаб жандармов в Форт-Рони. Снова ничего. Тут она вспомнила, что на двенадцать записана к парикмахеру, потом у нее обед в Восьмом округе.

И вернулась в реальный мир.

Она собралась и причесалась. Отражение в зеркале оправдало худшие ее опасения. Можно подумать, что она курила и пила ночь напролет. Хороша Джулианна Мур... Жанна попыталась исправить положение с помощью макияжа.

Она вышла в полдень, когда ей уже следовало быть у парикмахера. Черные джинсы. Открытые босоножки. Майка от «Донны Каран». И прическа «боб», пока парикмахер не начнет над ней колдовать. Об убийстве она уже и думать забыла. Как и о Фери. Она не думала ни о чем.

Привести голову в порядок.

Самое неотложное субботнее дело.

²⁴ Министерство внутренних дел Франции.

18

Спустя полтора часа Жанна Крулевска со сносной стрижкой переступила порог ресторана, где была назначена встреча. В баре она назвала фамилию того, кто ее ждал, и ее провели между столиками. Высокие потолки. Витражи на окнах. Стиль ар-деко. А главное, много простора. Где-то она читала, что это направление в архитектуре навеяно кают-компанией пассажирского судна. Так или иначе, но здесь ей всегда казалось, что она поднимается на борт корабля.

– Извини за опоздание.

Эмманюэль Обюсон выпрямился во все свои сто восемьдесят пять сантиметров и с отцовской нежностью расцеловал ее в обе щеки. Старик никогда не был ее любовником. Он был для нее чем-то гораздо большим. Ее учителем, наставником, крестным. Жанна познакомилась с ним в самом начале своей карьеры, когда только заканчивала Школу судебных работников. Она работала с ним, когда он еще был председателем исправительной палаты парижского суда. В свои семьдесят Обюсон остался худощавым и широкоплечим. Глаза сверкали, как красный орден Почетного легиона у него в петлице. Настоящий кондотьер. И не только.

Этот человек состоял из парадоксов. Из них была соткана его мудрость. Странник левых взглядов, он, когда ему стукнуло шестьдесят, сколотил состояние, став экспертом по бракоразводным делам. И по сей день мог потребовать десятки тысяч евро только за то, чтобы надеть очки и пробежать глазами брачный договор. Одинокий, высокомерный, он так и не женился, но всегда оставался дамским угодником. Не имея детей, испытывал безграничную нежность ко всему юному и невинному. Но прежде всего этот холодный, суровый, строгий человек был эстетом. Поклонником искусства.

Обюсон научил Жанну всему. Профессии юриста. Истории искусств. И вот однажды оба знания соединились в Лувре, в зале греческой и римской скульптуры.

– Почему вы пригласили меня сюда?

– Я уже давно интересуюсь греческой скульптурой. Первые века. Затем Пракситель, Фидий, Лисипп. Эллинизм мне уже не так нравится. Много драпировок, движений. И в каком-то смысле меньше чистоты.

– А как же напутствия, которые вы хотели мне дать, прежде чем я приступлю к работе судьи?

– Это место – их метафора.

– Не понимаю.

Он ласково взял ее под руку и подвел к атлету с белыми мраморными глазами, держащему ребенка на сгибе локтя.

– «Гермес с младенцем Дионисом», единственная дошедшая до нас статуя Праксителя. Хотя нельзя ничего утверждать наверняка. Взгляни на эти линии, изгибы, выступы. Говорят, греки идеализировали природу, как фотограф ретуширует портрет. Но это не так. Греческие скульпторы поступали ровно наоборот.

Жанне уже не удавалось отвести взгляд от вытянутого тела: казалось, мышцы натягивают мраморную кожу. Живут. Сокращаются.

– Поначалу греческие скульпторы отталкивались от древнеегипетских образцов, постепенно наделяя их чертами, признаками, особенностями человека. Слабостями своей модели. Они старались вдохнуть в эти древние формы как можно больше жизни. И как раз во времена Праксителя этот метод принес наилучшие плоды. В руках скульптора древние каноны начали жить, дышать. Было достигнуто равновесие между абстракцией и индивидуальностью.

Жанна почувствовала, как старик стиснул ее руку. Орлиной хваткой.

– Я все-таки не вижу связи с моими расследованиями.

– Твои расследования, Жанна, – это твои скульптуры. Всегда будет соблазн что-то подогнать, чтобы они стали безупречными. Чтобы показания свидетелей совпадали минута в минуту. А мотивы были измерены с точностью до миллиметра. Словом, чтобы оставался единственный подозреваемый... Я же тебе советую поступать наоборот.

– В каком смысле?

– Работай как греки. Учитывай все несовершенства. Несовпадающие места и минуты. Пробелы в показаниях свидетелей. Противоречивые мотивы. Сохраняй все эти неправильно-сти. Пусть твои расследования остаются живыми! Тогда ты увидишь, ты обнаружишь другие истины, и подчас они уведут тебя куда-то еще. Не следовало бы мне тебе это говорить, но некоторые дела до сих пор не дают мне покоя. Те, в которых были нестыковки. Не вписывающиеся детали, которые я отбросил ради стройности, логичности целого. Эти неточности мучили меня годами, пока мне не открывалась другая истина. Или хотя бы не одолевали сомнения.

– Вы хотите сказать, что невиновные сели в тюрьму?

– Невиновных, которых я, разумеется, считал виновными. Так тоже бывает. Мы сами, судьи, – лишь еще одно несовершенство судебной системы.

Кажется, тогда Жанна не совсем его поняла. Спустя десять лет она все еще шлифовала свои досье, стараясь, чтобы они выглядели стройными и логичными. Зато она заразилась его страстью к греческой и римской скульптуре. Не раз побывала в Греции, Италии, Северной Африке, где музеи ломаются от древних статуй. Да и в Париже она нередко приходила в Лувр, чтобы вновь полюбоваться этими телами, в которых столько жизни и дыхания...

– Как дела? – спросила она, устраиваясь напротив.

– Теперь, в июне, уже лучше. – Он надел очки и просматривал меню, которое им только что принесли. – Наконец-то прекратилась глупая болтовня о мае шестьдесят восьмого²⁵.

Жанна улыбнулась. Сразу видно старого социалиста.

– Ты ведь в этом участвовал?

– Участвовал.

– И не согласен со всем, что говорили и писали о тех событиях?

Он закрыл меню. Снял очки. Высокий лоб, волнистые волосы с проседью, властное удлиненное лицо, вокруг черных глаз залегли лиловые круги. Словно внутреннее пламя изрезало морщинами его кожу, как трескается африканская земля под лучами жаркого солнца. Но в Обюсоне чувствовалась прочность. Хрупким его не назовешь.

– Видишь ли, – начал он, – в то время родители не готовили нам сэндвичи, когда мы шли на митинг. Мы были против них. Против буржуазного порядка. Мы боролись за свободу, великодушие, ум. А сегодня молодые выходят на митинг ради прибавки к будущей пенсии. Буржуазия заразила все. Даже мятежный дух. Когда установленный порядок сам порождает свою оппозицию, системе нечего бояться. Наступила эра Сарко. Эра, когда сам президент воображает, что он на стороне искусства и поэзии. Разумеется, поэзии преуспевшей. Скорее Джонни Холлидея, чем Жака Дюпена.

Ни один обед с Обюсоном не обходился без колкостей в адрес Саркози. Ей захотелось сделать ему приятное:

– Ты заметил? Его рейтинг все время падает.

– Еще поднимется. За него я не беспокоюсь.

– В глубине души он тебе все больше нравится.

– Я похож на охотника, со временем привязавшегося к старому слону, за которым гонялся многие годы...

²⁵ Май 1968 – социальный кризис во Франции, вылившийся в демонстрации, массовые беспорядки и всеобщую забастовку. Привел к смене правительства, отставке президента Шарля де Голля и в конечном счете к серьезным переменам в обществе.

Подошел официант, чтобы принять заказ. Два салата, бутылка минеральной воды с газом. Оба они были аскетами.

– А сама ты как? – вновь заговорил Обюсон.

– Неплохо.

– Ну а дела любовные?

Она подумала о Тома. Все кончено. О Феро. Даже не начиналось.

– Типа Ground Zero²⁶.

– На работе как?

Жанна мгновенно поняла, что сюда ее привело бессознательное желание попросить совета. Коснуться своей дилеммы. Незаконной прослушки. Предполагаемого убийства. И как ей из этого дерьма выбраться.

– Я в затруднении. У меня есть сведения. Данные, которые я пока не проверила, но они могут оказаться важными.

– Политика?

– Криминал.

– Что именно тебя беспокоит?

– Я не могу назвать свои источники. Не поручусь, что информация достоверная.

– Но она может помочь тебе начать расследование?

– Нет, не совсем. Информация неполная.

– Что ты имеешь в виду?

– Возможно, сегодня ночью в Десятом округе было совершено убийство.

– Имя жертвы тебе известно?

– Только убийцы. И то не совсем. И это тоже нельзя использовать. Мои источники слишком... сомнительные.

Обюсон задумался. Жанна вновь залюбовалась золотисто-коричневыми тонами, в которых был выдержан зал. Зеркалами. Витражами. И правда, похоже на кают-компанию. Да, она вошла на корабль, но курс ей пока неизвестен.

– Помнишь, как мы ходили в Лувр? – спросил наконец старик. – Обсуждали с тобой древнегреческое искусство. Человеческие несовершенства, слитые с совершенством правила.

– Я до сих пор пытаюсь понять смысл послания.

– Несовершенство – часть нашей работы.

– Значит, мне можно вести расследование вне правил? Сойти с проторенного пути?

– Но только если ты вновь на него встанешь. Потом отшлифуешь дело.

– Если оно достанется мне.

– Обратись в прокуратуру. Участвуй в расследовании. Засчитывается только результат.

– А вдруг я ошибаюсь?

– Значит, ты такая, какая есть. Обычный человек, наделенный необычными полномочиями. И это тоже часть правила.

Жанна улыбнулась. За этим она сюда и пришла. Она подозвала официанта:

– Я бы выпила чего-нибудь покрепче. А ты?

– Давай.

Бокалы с шампанским не заставили себя ждать. Сделав несколько ледяных глотков, она почувствовала прилив сил. Холод защищает от смерти. От разложения. Эти колючие пузырьки наполняли ее энергией. Они заказали еще по бокалу.

– А как твои любовные дела?

²⁶ Место взрыва (*англ.*). После событий 11 сентября 2001 г. так стали называть разрушенные башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке.

– Ну, есть у меня студенточки на черный день, – сказал старик. – Не считая моей официальной подруги. Адвокат лет сорока, до сих пор не теряет надежды женить меня на себе. В моем-то возрасте! Да парочка бывших. Воображают, что еще не сошли с дистанции.

– Ты, наверное, совсем измучился.

– Я же не говорю, что всем им оказываю честь. Но мне нравится эта аура любви вокруг меня.словно «Танец» Матисса. Они водят хоровод, а я рисую их на синем фоне.

Жанна через силу улыбнулась. В душе она не одобряла поведение своего наставника. Неверность. Ложь. Манипулирование. Она еще не так стара, чтобы отказаться от мечты о честных отношениях.

– А сам-то ты как? Как тебе живется со всеми этими изменами и лицемерием? – Она улыбнулась, чтобы смягчить резкость своих слов. – Где тут уважение?

– Все дело в смерти. – Обюсон вдруг стал серьезным. – Смерть наделяет любыми правами. Считается, что с ее приближением люди раскаиваются. Очищаются. В действительности все наоборот. Чем больше стареешь, тем яснее видишь, что никакие верования, никакие вопросы не находят разрешения. Можно быть уверенным лишь в одном: скоро ты сдохнешь. А второго шанса уже не будет. И тогда ты изменяешь жене, предаешь свои клятвы. Прощаешь себе все или почти все. Другие, те, кто проходит через твой кабинет, воруют, убивают, насилюют с той же мыслью. Добиться того, чего они желают, пока не поздно. Как в том фильме: «Небеса подождут».

Жанна допила бокал и икнула. Шампанское обожгло ей горло. Вдруг ей стало грустно. Официант предложил им выбрать десерт. Жанна отказалась. Обюсон заказал еще два бокала шампанского.

– А знаешь, – продолжал он уже веселее, – как раз сейчас я кое-что обдумываю. Исправление, которое сделал Рембо в одном стихотворении. «Ее обрели. Что?/Вечность/Это море, слитое с солнцем».

Жанна не помнила стихи, но в памяти всплыл финальный кадр фильма Годара «Безумный Пьеро». Линия горизонта. Солнце тонет в море. И за кадром – негромкие голоса Анны Карина и Жан-Поля Бельмондо произносят слова Рембо...

– Ты хотел сказать: «Это море, идущее с солнцем»?

– А вот и нет. Рембо опубликовал это четверостишие дважды. В первый раз – в стихотворении «Вечность». И позже, во второй раз, в книге «Одно лето в аду». Сперва он написал: «Это море, идущее с солнцем». А затем: «Море, слитое с солнцем». При этом была утрачена идея движения. Очень жаль. Самое прекрасное в этом стихотворении – мысль о том, что вечность – это результат встречи. Бесконечность, движущаяся к другой бесконечности. В моем возрасте прельщают именно идеи. Как будто смерть – не обрыв, а скорее изгиб, дуга. Плавный спуск...

– Как по-твоему, зачем он это сделал?

– Может быть, он чувствовал, что умрет молодым и ему не суждено познать это движение. Рембо был торопливым вестником.

Жанна подняла бокал:

– За фактор Рембо!

Она уже чувствовала опьянение. И вздрогнула, вспомнив слова старого испанца: «*Думаю, сегодня ночью он кого-то убьет. В Париже, в Десятом округе. Он все время рыщет по кварталу Бельвиль*».

Она порылась в сумке и взглянула на мобильный.

Сообщения нет.

А значит, нет и трупа.

Жанна поняла, что ждет еще и звонка от Феро. Такова уж ее участь. Она – абонент не компании мобильной связи «Оранж», а желания быть любимой.

Пожизненный абонент.

19

Выйдя из ресторана на проспекте Монтеня, Жанна не стала забирать машину с парковки. Слишком много выпила. Чтобы протрезветь, решила прогуляться. Отсюда до садов на Елисейских Полях рукой подать. Стоит совершить небольшое паломничество...

Жанна нашла места, по которым они бродили вчера вечером. Всего-то несколько часов прошло с тех пор, а этот миг уже казался ей таким далеким. Или неуловимым. Словно она пыталась вспомнить ускользающий сон.

Она прошлась еще, истекая потом под горячим солнцем, на ходу освобождаясь от винных паров. Дойдя до площади Согласия, пересекла Елисейские Поля и повернула обратно, к парковке на проспекте Матиньон. У входа Жанна поколебалась и пошла дальше, к скверу у Елисейских Полей. Зайдя за ограду, присела на солнышке. Сквер был пуст. Повсюду валялся мусор. Но слева от нее, как всегда по субботам, шла бойкая торговля марками. А темно-зеленый театр «Гиньоль», казалось, скрывал какую-то тайну, нечто притягательное, одновременно страшное и чудесное, перед чем детишки не в силах устоять.

И она снова погрузилась в мечты. Уже без удержу. Мысленно она даже рискнула, как в телеиграх, пойти ва-банк: вспомнила те слова, которых всегда избегала. Самые старые, самые обычные, самые истертые слова на свете: *большая любовь, мужчина моей жизни, красивая история...*

К собственному удивлению, она уже применяла их к Антуану Феро. К мужчине, с которым разговаривала меньше часа. К психоаналитику, за которым следила, установив прослушку. К специалисту, о котором ничего не знала, хотя у него, похоже, были дела поважнее. Но сама эта скоропалительность подтверждала диагноз. *Любовь с первого взгляда...*

Жанна и сама знала, что душа ее слишком серьезна. Но когда в ее присутствии упоминали физиологические проявления беременности, рассказывали о женщине, у которой теперь «прекрасная кожа» или, наоборот, «толстый зад», она не понимала, зачем об этом говорить. Все это внешнее.

Ей, когда она забеременеет, откроется тайная логика космоса. Она достигнет глубинного понимания своего бытия и в то же время станет частью устройства Вселенной. Между ней и Жизнью установится *тайная связь*. Да. В боязливом восторге она ждала, когда на нее снизойдет понимание смысла человеческой жизни. Когда ее matka выполнит свое предназначение, чтобы позволить ей исполнить свою самую прекрасную роль. Когда мужчина предложит ей свою любовь, доверие, преданность, чтобы она превратила их в искорку жизни в своей утробе. Вот в чем суть зачатия. Любовь, обретающая тело. Дух, который превращается в материю...

Солнце скрылось. Небо потемнело. Опять собиралась гроза. Хлюпая носом, она встала со скамьи, готовая расплакаться. Теперь ей уже казалось, что все потеряно. Несбыточно. Никогда она не встретит свою половинку. Никогда не сольется с мужчиной. Так и останется разорванной. Как ее сестра, которую нашли расчлененной на парковке возле вокзала. Или та цитогенетичка, которой позавчера перерезали горло, изувечили и сожрали...

Она ощутила горечь во рту. Сейчас ее вырвет. Ее спас звонок мобильного. Уже пошел дождь. Она порылась в карманах, в сумке, едва не пропустила звонок. Ее трясло. Сначала она подумала, что это Феро. Потом – что звонят из префектуры полиции. Нашли его труп. Нашли...

– Аллю?

– Гони сюда. У меня еще одно.

Голос Франсуа Тэна. Напряженный. Дрожащий.

– Еще одно?

– Еще одно каннибальское убийство.

– Где?

– В Гонкуре. Улица Фобур-дю-Тампль. В Десятом округе. Звонила заместительница прокурора. Она знает, что я расследую предыдущие убийства.

Жанна не ответила. Мозг лихорадочно заработал. Озарение поразило ее как молния.

«Думаю, сегодня ночью он кого-то убьет. В Париже, в Десятом округе».

Хоакин и есть убийца-людоед.

Вернее, мужчина-ребенок у него внутри.

Она едва сдержала раздиравший ее горло крик и выговорила:

– Давай адрес.

20

Заскочив домой, чтобы принять душ и переодеться, к восьми Жанна подъехала к месту преступления. Не по официальному адресу Фобур-дю-Тампль, 111, а с обратной стороны жилого массива, там, где к зданиям можно незаметно подобраться через дворы, вдали от полицейских фургонов и мигалок.

Подъезд охраняли всего два полицейских. Тут же ее ждал Франсуа Тэн.

– Что там у нас? – спросила Жанна без предисловий.

– Молодая женщина. Горло перерезано. Труп расчленен и объеден. Наверняка тот же убийца.

– Как ее зовут?

– Франческа Терча.

– Сколько лет?

– Старше других. Ей тридцать четыре.

– Занималась медициной?

– Нет. Она скульптор. Родом из Аргентины.

– Где именно ее нашли? На парковке?

– Нет. В мастерской, где она работала. Вон там, в глубине двора.

– Что за скульптуры она делала?

– Не совсем обычные. Собственно говоря, это мастерская палеографической реконструкции. Они воспроизводят доисторических людей в сверхреалистической манере. Получаются кошмарные хреновины из силикона и волос, аж жуть берет. Там, среди кроманьонцев и неандертальцев, ее и убили.

Жанна слышала об этой мастерской, едва ли не единственной в мире. Ей попадались статьи о создавшей ее женщине. Фамилию она не помнила, но эта женщина была способна восстановить лицо человека, умершего тридцать тысяч лет назад, воссоздав его черты по ископаемому черепу и вылепив лицевые мышцы из глины.

Была еще одна причина, по которой она могла знать об этой мастерской.

– А на нас, – спросила она, – они не работали?

– На нас?

– На судебную полицию. Восстановление по костным останкам. Они используют специальные программы.

– Не знаю. Хозяйка там. Спросишь ее сама.

– А что тебе известно о жертве?

– Пока ничего.

Тэн стоял у стены рядом с почтовыми ящиками, сцепив руки за спиной. На нем была тенниска «Лакост» и полотняные брюки. Свет он не включил, так что его лицо тонуло в полумраке. Не поймешь, в каком он настроении, разве что по голосу, выдававшему множество противоречивых чувств. Досаду. Возбуждение. Радость оттого, что она здесь, рядом с ним. И будет прибегать очертя голову, пока они находят трупы.

– А внешне она похожа на других? – настаивала Жанна.

– Трудно сказать. Молодая. Темненькая. Полненькая. Пожалуй, хорошенькая. Мне показали ее фотографии... до убийства. Убийца предпочитает определенный тип, это ясно, но между жертвами нет разительного сходства. Возможно, он выбирает их по причине, о которой мы даже не подозреваем, и...

– Ты выяснил то, о чем я спрашивала?

– В одном ты не ошиблась: убийца украл околоплодную жидкость в лаборатории «Павуа».

– А в остальном?

– Тут ты не права. Мы получили анализ ДНК. Убийца – мужчина. Естественно, во всех случаях один и тот же.

Это мужчина, – подумала Жанна, – и я знаю его имя.

– ДНК еще что-нибудь нам дало?

– Кто он такой, мы уж точно не узнали. Как и следовало ожидать, парня нет в картотеке.

– У него нет какой-нибудь генетической аномалии? Отклонения?

– Куда там. Стандартный набор. Ничего особенного.

– Это все?

Тэн со вздохом оторвался от стены и принялся расхаживать взад-вперед.

– Все, – процедил он сквозь зубы, – а этого мало. У нас нет и намека на улику. Ни видеосъемки, ни свидетелей. Ни одну из жертв ни разу не видели с кем-то подозрительным. Или хотя бы незнакомым. Ничто не указывает на то, что они общались. Ни по телефону, ни через интернет. Просто человек-невидимка. Материализовался, совершил жертвоприношение и словно растворился в воздухе. – Тэн щелкнул пальцами. – И все тут.

– Вы действительно рылись в жизни убитых?

Тэн обернулся к Жанне, засунув руки в карманы. Лицо его оставалось в тени, но глаза горели.

– А ты как думаешь? Райшенбах изучил их жизнь день за днем. Кредитки. Чековые книжки. Звонки с мобильных. Даже проследил их передвижения на велосипеде. У них был абонемент в «Велиб»²⁷. И все впустую. Результаты только отрицательные. Они не были знакомы. И до своей смерти не встречались с убийцей.

– Это точно?

– По крайней мере, за последние полгода они не встречались с одним и тем же человеком. Впрочем, обе они мало с кем общались. Первая была помолвлена. С учителем, вьетнамцем по происхождению. Вторая недавно развелась. Брак длился два года. Детей не было. И она жила с тем толстяком из лаборатории.

– Вы допросили ее бывшего мужа?

– Жанна, ты говоришь мне о рутине. А эти убийства совсем другого масштаба. В них нет ничего рутинного, усекла?

Да уж, она усекла. *Лес кусает тебя...*

– Все говорит о том, что это расчетливый убийца. Несмотря на все его зверства, голова у него холодная. Он выбрал себе жертву. Выследил ее. Гнался за ней, пока не застал ее врасплох в подходящий момент. И все это – по причинам, известным ему одному.

– Не может быть, чтобы вы ничего не нашли.

Тэн снова прислонился к стене рядом с почтовыми ящиками.

– Ладно, – признался он. – Кое-что у нас есть.

– Что?

– Аутизм.

– Объясни.

– Я подробнее узнал о центре, где работала первая жертва, Марион Кантелло. Туда принимают только детей с первазивными расстройствами развития, а это обычно означает синдром аутизма.

– И какая тут связь с Нелли Баржак, второй жертвой? – спросила она с наигранным простодушием. – Или с убийцей?

– Насчет Баржак понятия не имею. Но вывернутые ладони убийцы могут быть симптомом аутизма. Он перемещается на четвереньках, выворачивая ладони назад.

²⁷ Парижская сеть проката велосипедов.

Были и другие симптомы. Ей снова почудился голос Фери: «Реверсия местоимений. Повторение вопросов. Эхолалия. И даже лицо: вы заметили, как оно исказилось, когда заговорил *другой*».

Сам того не зная, Тэн напал на след Хоакина.

«Оно» у него внутри.

– И что ты об этом думаешь?

– Трудно сказать. Я выяснил, что гипотеза об убийце-аутисте несостоятельна. Он недостаточно организован, чтобы подготовить такие убийства. А главное, человек с подобным расстройством может стать агрессивным, если почувствует угрозу, но он не способен совершить преднамеренное убийство.

– И амниоцентез тут ни при чем?

– Нет. В лаборатории «Павуа» не выявляют таких генетических аномалий. Не доказано, что аутизм вообще связан с генами. Специалисты расходятся во мнениях.

– Вернемся к первой жертве. Может, в детстве убийцу помещали в этот центр?

– Ну да. Только и здесь нас ждет тупик. Наш клиент – взрослый человек. Значит, туда он мог попасть не меньше двадцати лет назад. А в то время центр еще не существовал.

Тэн похлопал по почтовым ящикам. Они были из дерева и походили на скворечники, какие развешивают в садах.

– А что с надписями?

– Ничего нового. Впрочем, тут я ни на что и не рассчитываю. Убийца придумал новый язык. Никакого смысла в нем нет. Даже если эти знаки напоминают какой-нибудь алфавит.

– Подожди заключения экспертов.

Тэн пожал плечами:

– А что еще мне остается?

Он снова принялся расхаживать взад-вперед, но уже не так нервно и решительно. Похоже, они возвращались в пространство размышления. Смутных ощущений. На стадию *субъективных впечатлений*.

– Я нюхом чую, – признался Тэн, – что за всем этим есть какой-то общий фон. Как бы возвращение к первобытным временам. Человеческая деградация. Место преступления всегда напоминает о ритуале жертвоприношения. Все происходит на парковках, в подземных помещениях, то есть в пещерах. В этом смысле сегодняшняя мастерская отлично вписывается в общую картину.

– Почему?

– Сама увидишь. Еще одна деталь. По мнению патологоанатома, кости жертв разбивали кремнем. Или каменным орудием. Кроме того, их ломали, чтобы высосать костный мозг. Похоже, этот тип в самом деле принимает себя за первобытного человека со склонностью к каннибализму. И тут возникает связь со специальностью Франчески Терча. Все вместе отсылает нас к чему-то допотопному, незапамятному. Даже аутизм можно рассматривать как возвращение к доисторическим временам...

Жанна нетерпеливо перебила его:

– Так пошли?

Свирепо улыбувшись, Тэн спросил:

– Тебе ведь это нравится?

– Что нравится?

– Холодное мясо.

Жанна взвилась:

– Не больше любого другого.

– Рассказывай. Ладно, идем.

– Нет, погоди. По-твоему, я похожа на любительницу падали?

Тэн обернулся. Теперь в его улыбке сквозила нежность:

– Ты разве не замечала, что ты... малость мрачновата?

– Мрачновата? Вовсе нет.

– Скажем, шутницей тебя не назовешь.

– Все зависит от настроения.

– Спорим, ты не знаешь ни одного анекдота?

– А вот и знаю. Сколько хочешь.

– Ну валяй.

Жанна задумалась, взвесив всю нелепость ситуации. В двух шагах от места преступления она ломает голову, пытаясь припомнить анекдот. Но ей хотелось доказать этому придурку, что она не такая. Кровожадная судья. Одинокая женщина. Чокнутая с мрачными мыслями. Пережившая травму девчонка, которая до сих пор считает про себя в безмолвном лесу...

– Знаешь, в чем разница между системой автоматической поливки и женщиной, которой предлагают заняться содомией?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.